

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ДОПОЛНЕНИЯ К
ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ ТРУДОВ

**BEITRÄGE ZUR
RUDOLF STEINER GESAMTAUSGABE**

VERÖFFENTLICHUNGEN AUS DEM ARCHIV
DER RUDOLF STEINER-NACHLASSVERWALTUNG, DORNACH

Doppelheft Nr. 107

Michaeli 1991

RUDOLF STEINER
UND DER
STRADER-APPARAT

Modell – Skizzen – Berichte

Rudolf Steiner: Öffentlicher Vortrag
Geisteswissenschaft, Naturwissenschaft, Technik

**ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ ТРУДОВ
РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА**

ПУБЛИКАЦИИ ИЗ АРХИВА
НАСЛЕДИЯ РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА, ДОРНАХ

Дополнительная тетрадь № 107

Михайлов день 1991

**РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
И
АППАРАТ ШТРАДЕРА**

Модель – эскизы – сообщения

Рудольф Штайнер: открытый доклад
Духовная наука, естествознание, техника

Перевод с немецкого
Л. Б. Памфиловой

ТИТУРЕЛБ

МОСКВА

2012

УДК 141.133
ББК 87.2
Ш 87

Перевод с немецкого Л. Б. Памфиловой по изданию
BEITRÄGE ZUR RUDOLF STEINER GESAMTAUSGABE
Doppelheft Nr. 107
RUDOLF STEINER UND DER STRADER APPARAT

Штайнер Р.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ ТРУДОВ.
Тетрадь № 107. Рудольф Штайнер и аппарат Штрадера. –
М.: Титуруль. – 128 с.
ISBN 978-5-902490-14-2

Впервые на русском языке: материалы, посвящённые вопросам исследования техники будущего. В тетрадь вошли описания модели аппарата, созданного персонажем драмм-мистерий доктором Штрадером. Центральное место в настоящем сборнике занимает открытый доклад Рудольфа Штейнера «Духовная наука, естествознание, техника» и дискуссия после доклада. В тетради также содержится обзор некоторых мест из Полного собрания трудов (GA) Рудольфа Штейнера, относящихся к данной проблематике. В русский перевод помимо обзора включены и сами эти места. Тетрадь является во многом дополнением к серии томов GA №№ 320 – 326 и Дополнительной тетради №114/115.

Издательство благодарит Н.И.Махрачёву за поддержку этого издания.

УДК 141.133
ББК 87.2

ISBN 978-5-902490-14-2
© Издательство «Титуруль» 2012

© Памфилова Л. Б., перевод
© Елин Г. Я., оформление

Перевод с немецкого выполнен с оригинального издания:

BEITRÄGE ZUR RUDOLF STEINER GESAMTAUSGABE. Doppelheft
Nr. 107 RUDOLF STEINER UND DER STRADER APPARAT
Rudolf Steiner verlag, Dornach / Schweiz.

Всё же теперь открывается надежда,
О которой недавно никто не мог мечтать:
На рабочем месте Штрадера уже реально
В малом находится чудо,
Которое скоро в великом преобразует всю технику
И избавит её от той тяжести,
Которая сегодня давит на многие души.

Рудольф Штайнер
Страж Порога
1-я картина

Оглавление

<i>Вальтер Куглер</i> : К данной тетради	7
Аппарат Штрадера	
<i>Рудольф Штайнер</i> :	
Три эскиза «Модели механизмов» для кабинета док. Штрадера	13
<i>Оскар Шмидель</i> :	
Сообщение и эскизы	15
<i>Ганс Кюн</i> :	
Из одной статьи, модель и эскизы	19
Механический оккультизм, мотор Кили, техника будущего Указания источников в дословном тексте Рудольфа Штайнера в лекционном издании (im Vortragswerk)	32
<i>Рудольф Штайнер</i> :	
Духовная наука, естествознание, техника	
Открытый доклад, прочитанный в Высшей технической школе в Штутгарте 17 июня 1920 года	34
Дискуссия	57
<i>Приложение (к данному переводу)</i>	
Механический оккультизм, мотор Кили, техника будущего в докладах Рудольфа Штайнера	79

Рисунок на обложке воспроизведён с небольшим уменьшением
по карандашному наброску Рудольфа Штайнера

К данной тетради

Созвучие сил

В архив всё вновь поступают запросы относительно так называемого аппарата Штрадера. Главным образом требуются эскизы и более подробные данные к техническим деталям, а также указания на места, которые по этому поводу приведены в драмах-мистериях, в опубликованных докладах и в устных сообщениях в узком кругу.

Следует сразу оговориться: существующие в архиве материалы довольно скудны относительно их объёма. Здесь существуют три эскиза, сделанные рукой Рудольфа Штайнера для того ансамбля моделей, который можно было увидеть в четвёртой картине третьей мистерияльной драмы «Страж Порога» (GA 14). Впрочем, эти модели уже не существуют, несмотря на то, что они, как сообщает Ганс Кюн (Kühn), «пережили пожар Гётеанума». Какого рода был этот аппарат, какие точно функции он нёс в себе или какой цели, в конце концов, он должен был служить, об этом — так показывает просмотр архивного материала — есть только намёки, и никаких обстоятельных изложений. Хотя задача Рудольфа Штайнера для оформления четвёртой картины в «Страже Порога» была ведь ограничена до минимума: „На его (Штрадера) столе находились модели механизмов” — это всё-таки может иметь значение для дальнейшего разъяснения «аппарата Штрадера», когда принимаешь к сведению, что здесь в собственном смысле речь идёт ведь совсем не об одном «аппарате», а о «моделях механизмов», пока не представляющих собой ничего иного, кроме первой основной структуры, которая вначале ещё нуждается в дальнейшей разработке. Возможно, эти механизмы пока вовсе и не должны быть ничем иным, кроме внешнего выражения для того, что происходит в самом Штрадере? „Техника, которой я предавался, должна была мне дать забвение и обезболивание”, таков Штрадер в четвёртой картине. Ведь незаконченность этих механизмов среди прочего звучит в сло-

вах: „Тогда опыт следовал за опытом, пока наконец не получилось созвучие сил на моём рабочем столе, которое однажды в своём полном развёртывании принесёт чисто технически ту свободу, в которой могут раскрываться души” (первая картина).

Более подробными в архиве являются наброски Оскара Шмиделя, который по указаниям Рудольфа Штайнера «крайне временно» изготовлял модели для кабинета Штрадера. В противоположность скупым указаниям Рудольфа Штайнера в самих драмах-мистериях, Шмидель в своём сообщении говорит о том, что Рудольф Штайнер давал очень подробные указания для сооружения модели. Подробности заключены в сообщении Оскара Шмиделя, которое помещено в этом маленьком документальном подтверждении. В дополнение к изложениям Шмиделя затем следует воспроизведение эскизов, а также фотографическое изображение восстановленной Гансом Кюном совместно с инженером Цоллером модели «аппарата Штрадера». Ряд дальнейших эскизов, которые здесь тоже помещены, к сожалению, не позволяют точнее определить их авторство. Мы будем очень благодарны за соответствующие сведения.

Примыкающий обзор высказываний Рудольфа Штайнера о «механическом оккультизме», моторе Кили и технике будущего могут послужить интересующемуся читателю для основополагающей разработки и/или для углубления сложного круга вопросов, связанного с проблемой Штрадера. С этим подбором из лекционного труда Рудольфа Штайнера не связано никакое притязание на полноту.

*

Путь к технике будущего является также темой до сих пор не опубликованного доклада от 17 июня 1920 года, который Рудольф Штайнер прочитал в Высшей технической школе в Штутгарте. Очевидно инициатором была «Антропософская рабочая группа студентов Штутгарта», которая своим письмом от 12 июня 1920 года ставила в известность административные органы Высшей технической школы о своём существовании и целях. „Мы верим — го-

ворится в письме, — что антропософия в высшей степени обладает всеми данными для того, чтобы бросить плодотворный свет на самые разные проблемы науки и времени, и подчёркиваем, что она является особенно пригодной для преодоления всего, что разделяет людей, что сегодня препятствует объективно-хозяйственному и морально-духовному строительству нового в нашем тяжело испытуемом немецком народе”. В дополнение к этим словам указывается на доклад Рудольфа Штайнера «Духовная наука — естествознание — техника», который должен был состояться вечером в 19 час. 30 мин. в актовом зале Высшей технической школы.

В этом докладе, который можно рассматривать как некий род начала докладов, прочитанных в 1921 году на тему «Наблюдение природы, эксперимент, математика и ступени познания духовного исследования» (GA 324), Рудольф Штайнер характеризует развитие от чистого наблюдения природы через экспериментальное мышление до техники в связи с её влиянием на сознание. Штайнер говорит здесь также чёткое нет прагматизму как виду осознания, благодаря которому „в действительности скрылось понятие истины, несущее себя в самой человеческой душе”. — Но Рудольф Штайнер ведёт речь не о критике в отношении развития науки, а о некоем роде симптоматологии, об отчётливом поиске следов в дебрях самых разных, подлежащих временным изменениям посылок. Если Освальд Шпенглер уже имел перед глазами «Смерть западной цивилизации», то Рудольф Штайнер констатировал «продвижение», если удастся постичь мышление не только в его «побочных действиях», но и в отношении его «главного действия» («как формирующую силу в человеке»). В этом смысле, поощряя, Рудольф Штайнер призывал студентов: „Полагаясь на силу души, живущую в вас, я верю, что мы снова придём к продвижению”.

Вальтер Куглер

Несущее само себя в человеческой душе
понимание истины в действительности выделено.

Тем, что мышление в человеке является формирующей
силой, осуществляется также и побочное действие. И
это побочное действие вначале является обычным
познанием.

Рудольф Штайнер, 17 июня 1920

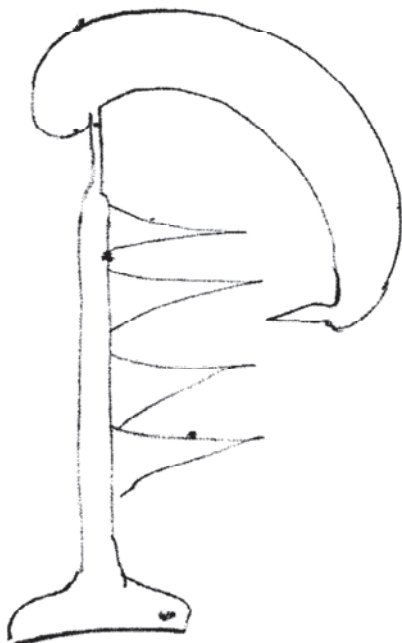
**АППАРАТ
ШТРАДЕРА**

Три эскиза Рудольфа Штайнера

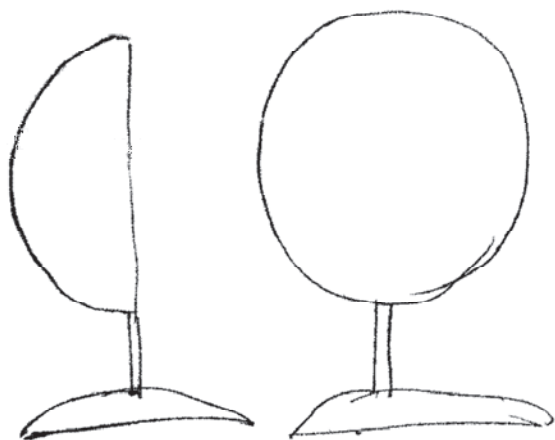
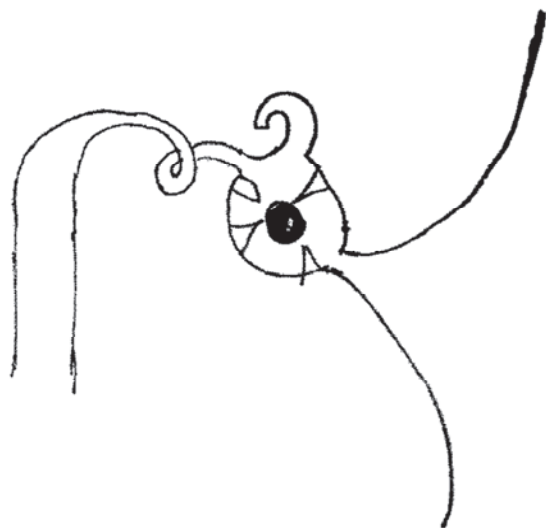
«Модели механизмов» для кабинета док. Штрадера (1912)

*Реквизиты для декораций к четвёртой картине третьей мистериальной драмы «Страж Порога»
(Из «Четыре мистериальные драмы», GA 14, с.320*)*

„Комната в розовых тонах. Она принадлежит дому Штрадера и Теодоры, супруги Штрадера. По обстановке видно, что Теодора и Штрадер совершают здесь в общей комнате работу разного рода. На его столе находятся модели механизмов, на её — разное, относящееся к мистике”.

* Номера страниц даны как в немецком тексте тетради

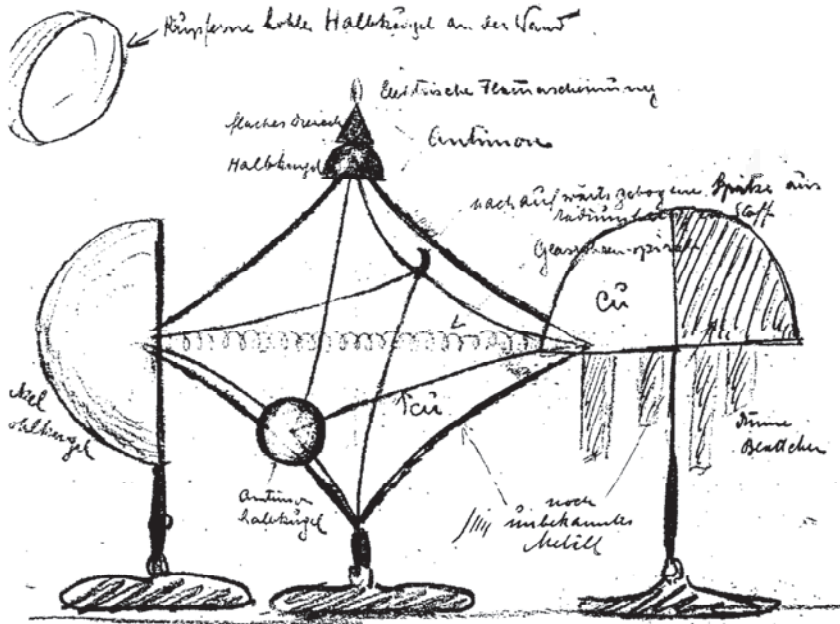
Эскизы Оскара Шмиделя (1887 – 1959)

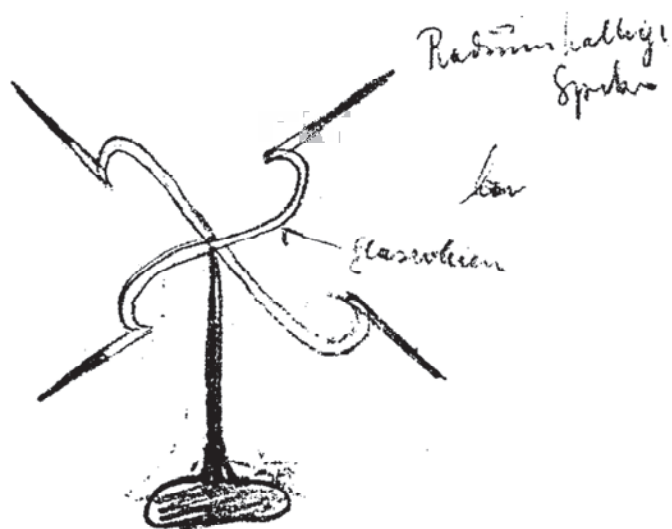
*Из его «Воспоминаний о репетициях мистерий в Мюнхене с
1910 по 1913»*

*(Опубликованы в «Воспоминаниях о Рудольфе Штайнере»,
Штутгарт 1979, с.101и сл.)*

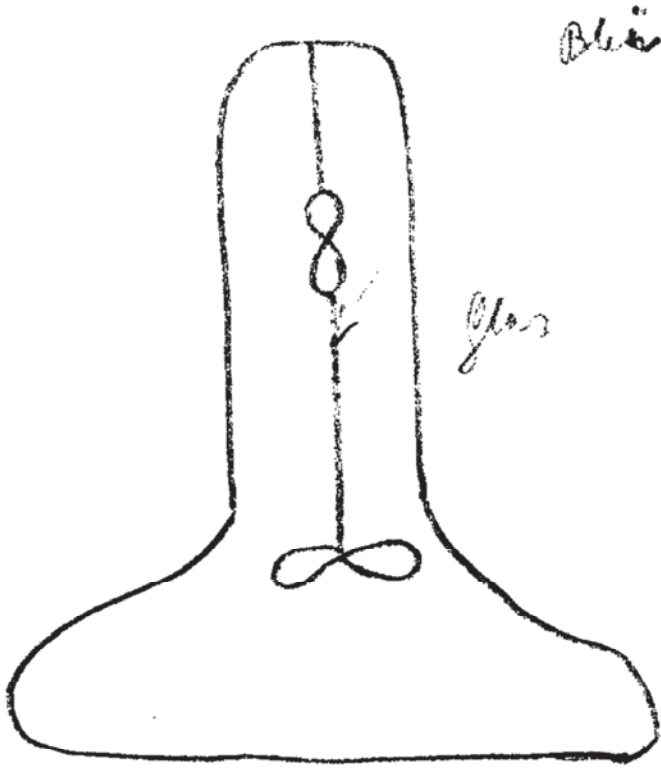
„Сведения о моделях для кабинета Штрадера в «Страже Порога» Рудольф Штайнер дал очень подробно, даже при упоминании металлов, которые необходимо использовать. Сначала они были временно изготовлены в 1912 году в моей первой мюнхенской лаборатории, что было обусловлено спешкой. На следующую зиму я поручил — тоже по первоисточнику — изготовить их точно по указаниям Рудольфа Штайнера. Их использовали в 1913 году в *Страже Порога* и они остались нетронутыми даже при пожаре Гётеанума, так как они по какой-то причине во время этой ночи не были в Гётеануме. Впечатляло уже то, какими точными были указания Рудольфа Штайнера; один компонент должен был представлять собой даже металл или вещество, которое ещё не было открыто. Трудно конкретно сказать, какие цели преследовались этими механизмами. Центральный механизм, мне кажется, подобен конденсатору для собирания втекающих из космоса лучей и воздействий, возможно даже трансформатору этих втекающих из космоса лучей и воздействий. Были применены различные металлы: сурьма, медь, никель, а также урановая смолка; кроме того, заменитель для упомянутого выше ещё не открытого вещества, которое должно было быть окрашено в синий цвет. — Кроме этого центрального аппарата были даны сведения ещё о некоторых других. Так на стене висела полая полусфера из меди. Внутренняя сторона была обращена к центральному аппарату. Другой аппарат, возможно, представлял собой некий род измерительного прибора...

Однажды он был также упомянут, когда Штрадер претворил в жизнь своё изобретение. Это было в не слишком далёком будущем. К сожалению, я уже не помню эту дату”.

horizontal.
wie das Glasrohr

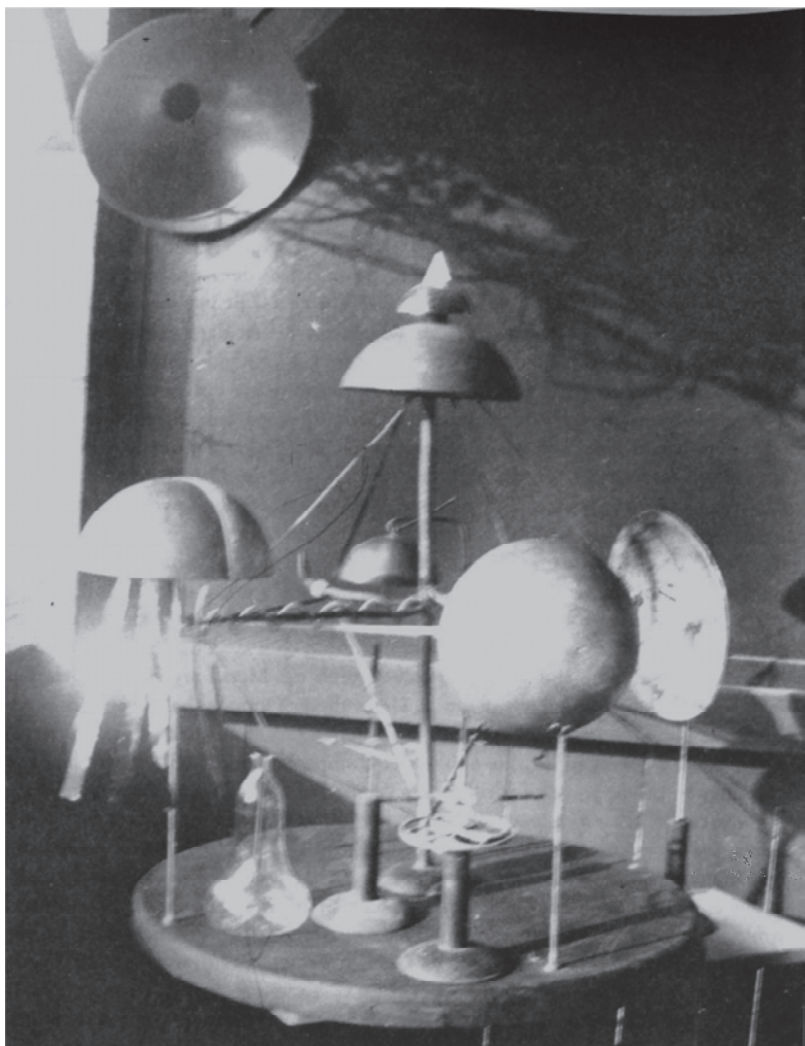
Модель и эскизы Ганса Кюна (1889 – 1977)

*Из его статьи «Об аппарате Штрадера»
(Опубликована в «Сообщениях об антропософской работе в Германии»,
25 выпуск тетрадь 4, № 98, с.291)*

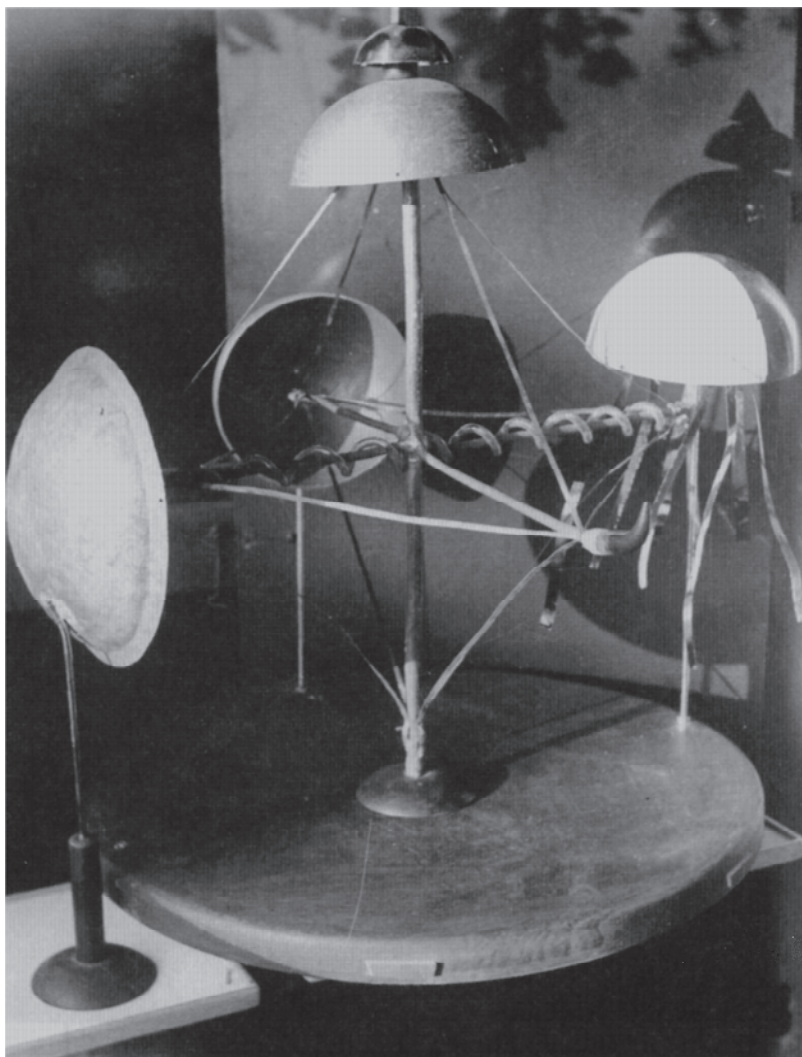
По случаю постановки четырёх мистерий Рудольфа Штайнера во время летней конференции 1971 года в Гётеануме, возможно, однажды говорилось также об оборудовании, которое стоит на столе в четвёртой картине драмы «Страж Порога». В действительности должны были бы существовать два стола, ибо около более крупных устройств первоначально стояли — несколько в стороне — три пред-мета поменьше. Кроме того, при постановках в Мюнхене в стороне на стене была установлена открытая медная чаша (Kupferschale). Вместе с тем я касаюсь оборудования, которое зимой 1912-1913 гг. было изготовлено док. Оскаром Шмиделем и его механиком по указаниям Рудольфа Штайнера. Когда в Мюнхене в 1912 году впервые был поставлен «Страж», в спешке подготовили только один вид оборудования, для которого Имме фон Эккардштайн (Imme von Eckardstein) получил инструкции от Рудольфа Штайнера.

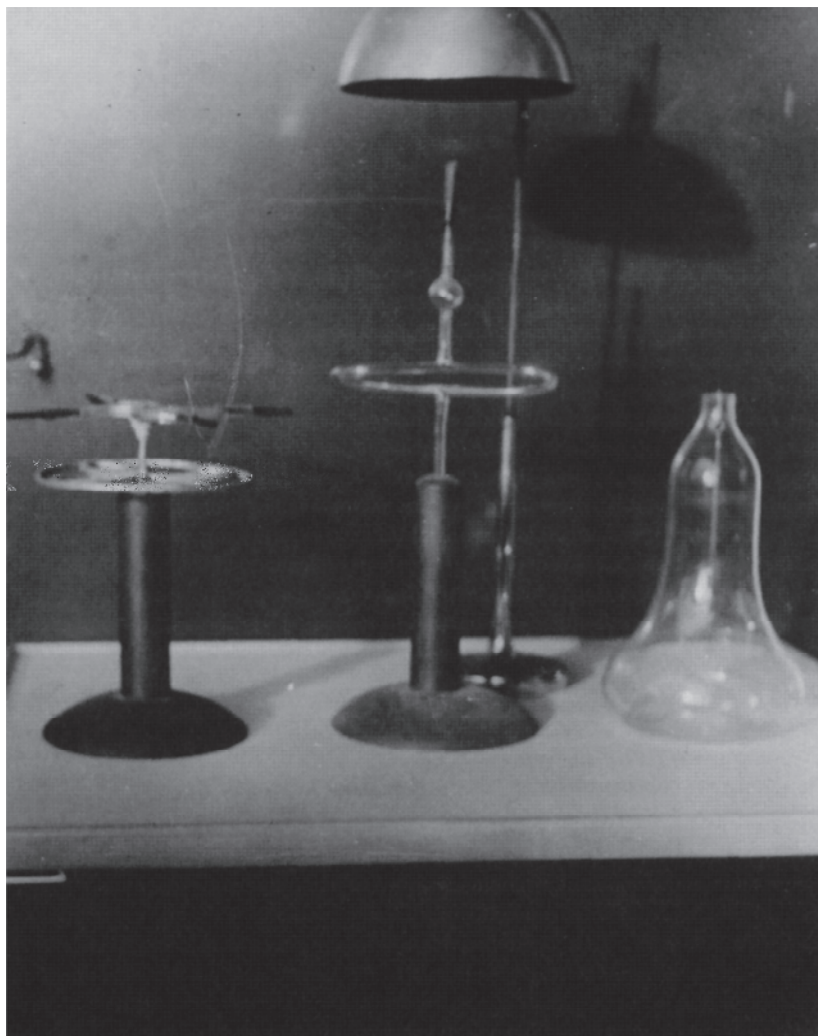
Зимой после этого было время разработать точную модель при применении различных металлов для четырёх полусфер, как они были даны Рудольфом Штайнером. Теперь он доверил это изготовление Оскару Шмиделю. Применялись две полусферы из сурьмы, одна из никеля, четвёртая наполовину была из меди. Другую половину следовало дополнить металлом, который тогда ещё не был обнаружен. Под этой двойной чашей висели тончайшие чувствительные органы (Fühlorgane) из так называемых золотых трепальных плёнок (Goldschlägerhäutchen) (1/1000 мм толщиной). На четвёртой стороне свинцового креста должен был быть установлен наконечник из урановой смолки. Соединения между шестью вершинами состояли частично из меди, частично из олова. От одной чаши к противоположащей вела спиральная стеклянная трубка. Ещё более таинственными были три приставки, одна из которых представляла собой стеклянный сосуд с вставленной или вплавленной платиновой проволокой, вторая — лемнискату из стеклянной трубки, снабжённой сверху угольным наконечником, который имел над собой маленькую медную чашу. Третье устройство должно было иметь в горизонтальной плоскости опять-таки четыре урановых наконечника. Форма этого прибора указывала на то, что он мог бы вращаться. Электричество не должно было проводиться.

Оригинальные модели сегодня исчезли, погибли, хотя они и пережили пожар Гётеанума. Не было достаточной добросовестности и не знали значения этой аппаратуры. Сегодня во время представления снова видишь бутафорию”.

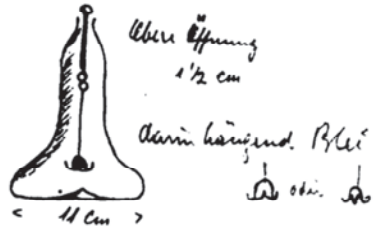
Модель машины Штрадера и три части прибора, изготовленные Хансом Кюном по оригинальной модели, которая была изготовлена по указаниям Рудольфа Штайнера для постановки драмы-мистерии «Страж Порога» в 1913 году в Мюнхене.

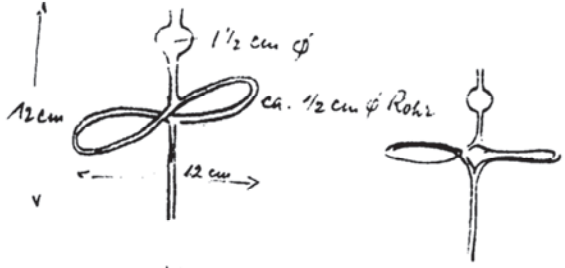

Дополнительные приборы к машине Штрадера.

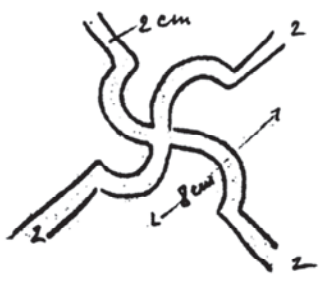
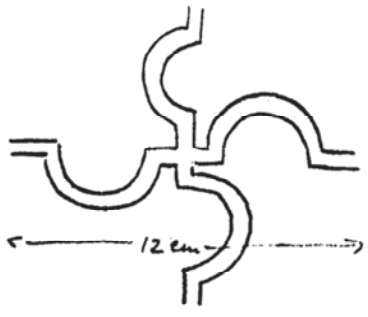
1. Glasflasche 18 cm hoch

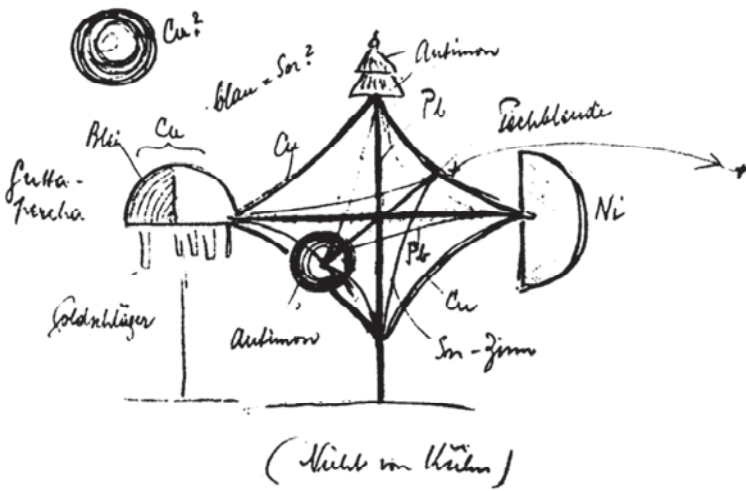
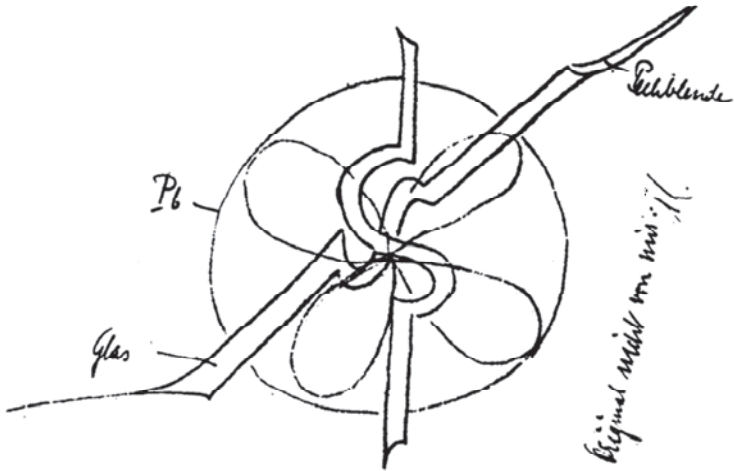
2. Glasrohr 12 cm hoch

3.

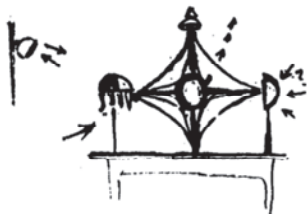
Veränderung
Höhle

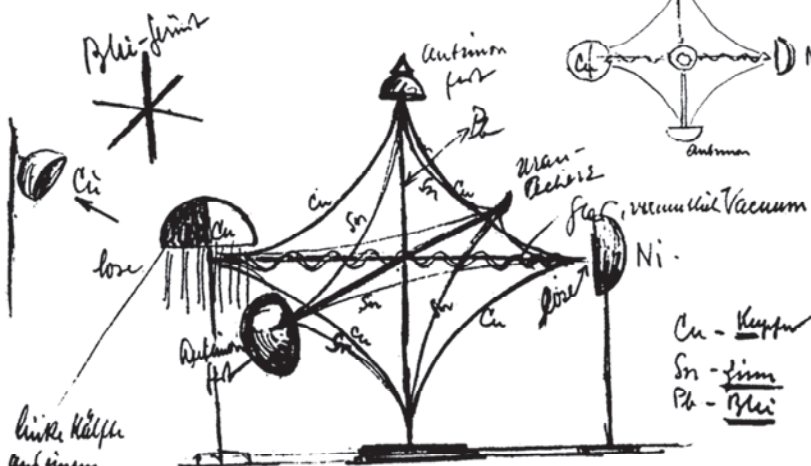
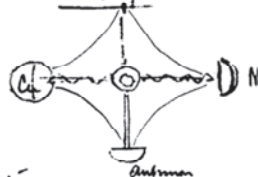
Original nicht von
Ihnen.

Wants - Anordnung

im Gradier-Zimmer.

Uebersicht: \varnothing

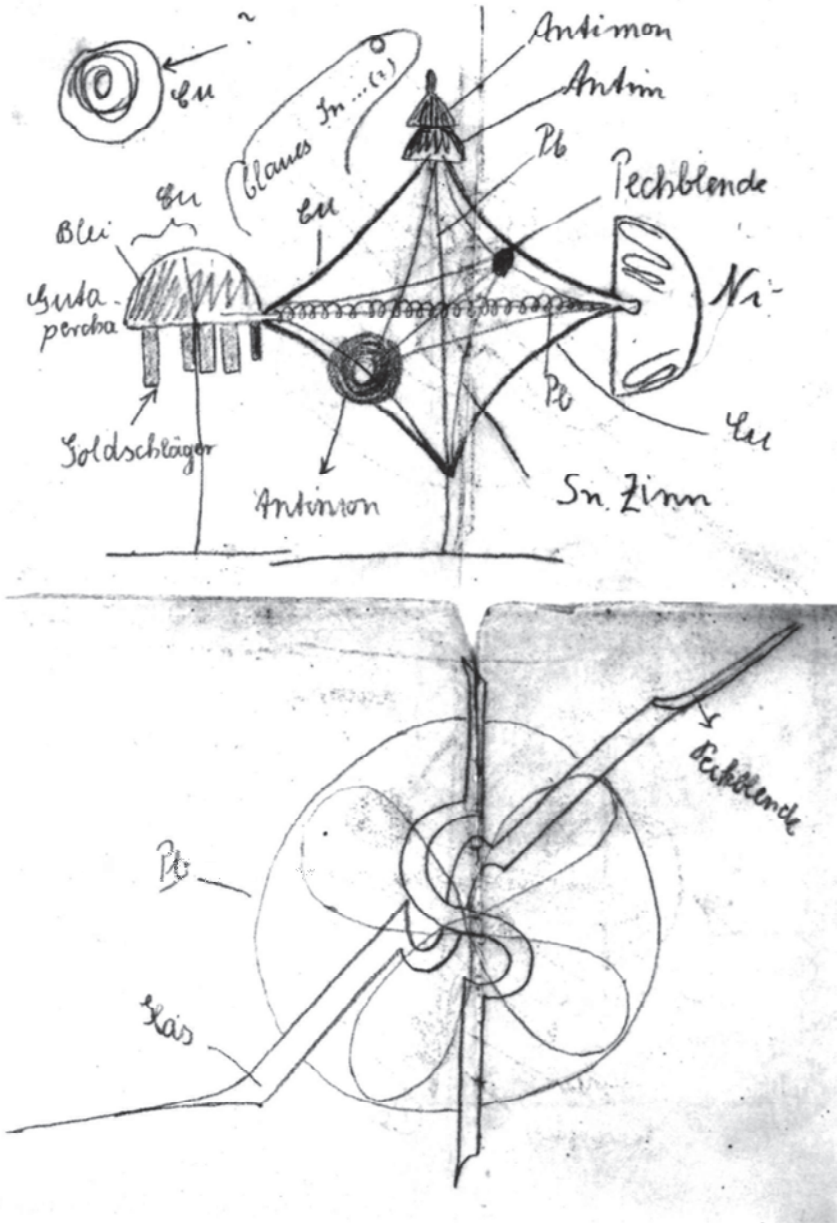
linke Kälble
auf einem
Metall, das
1913 noch nicht
bestimmt.
(Provisorisch mit
Zinnperle
abgedeckt).

Modell des Gradier-Apparates

Nach Skizzen vom Original
im August 1913
München.

4 Horizontal-Verbindungen dampft Zinn.

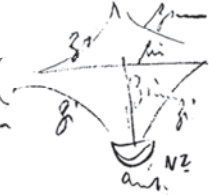
H. Müller.
Nov. 48.

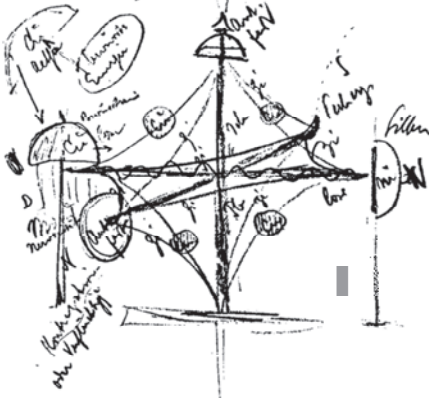

u. Cu hier
Himmelsrichtung
aufstehen

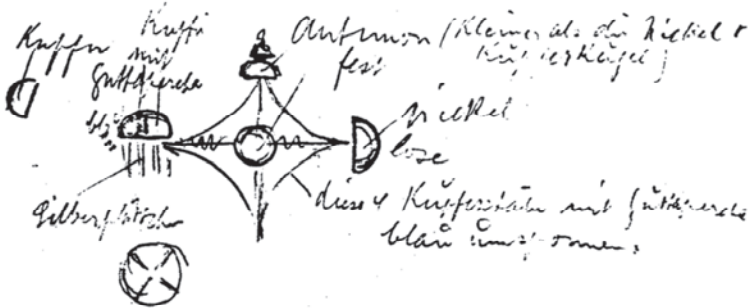
horizontal
W. bei 53.

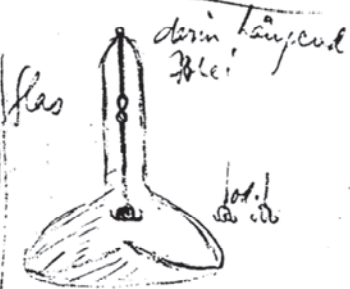
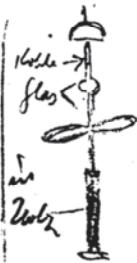
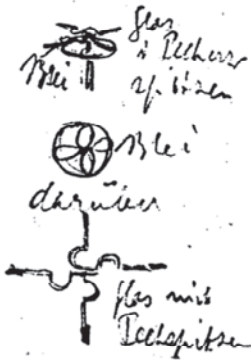
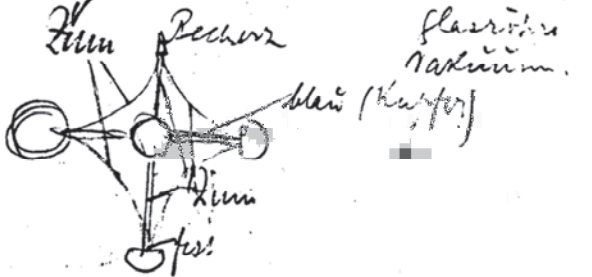
filter D land
Mittel Larm
Zinn
Kupfer
Alumina
Zinn
Kupfer
Alumina
Zinn
Kupfer
Alumina
Zinn
Kupfer
Alumina

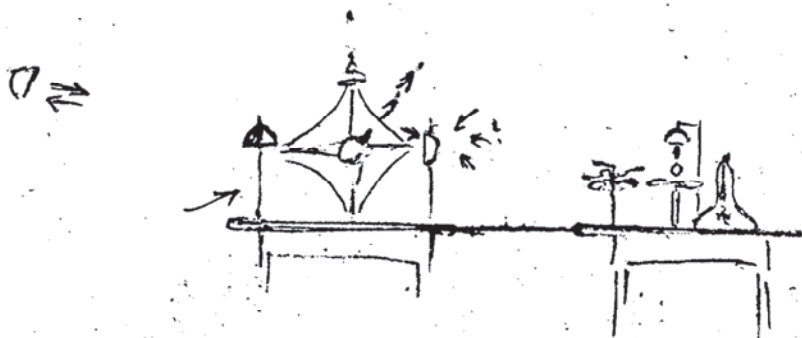

NR

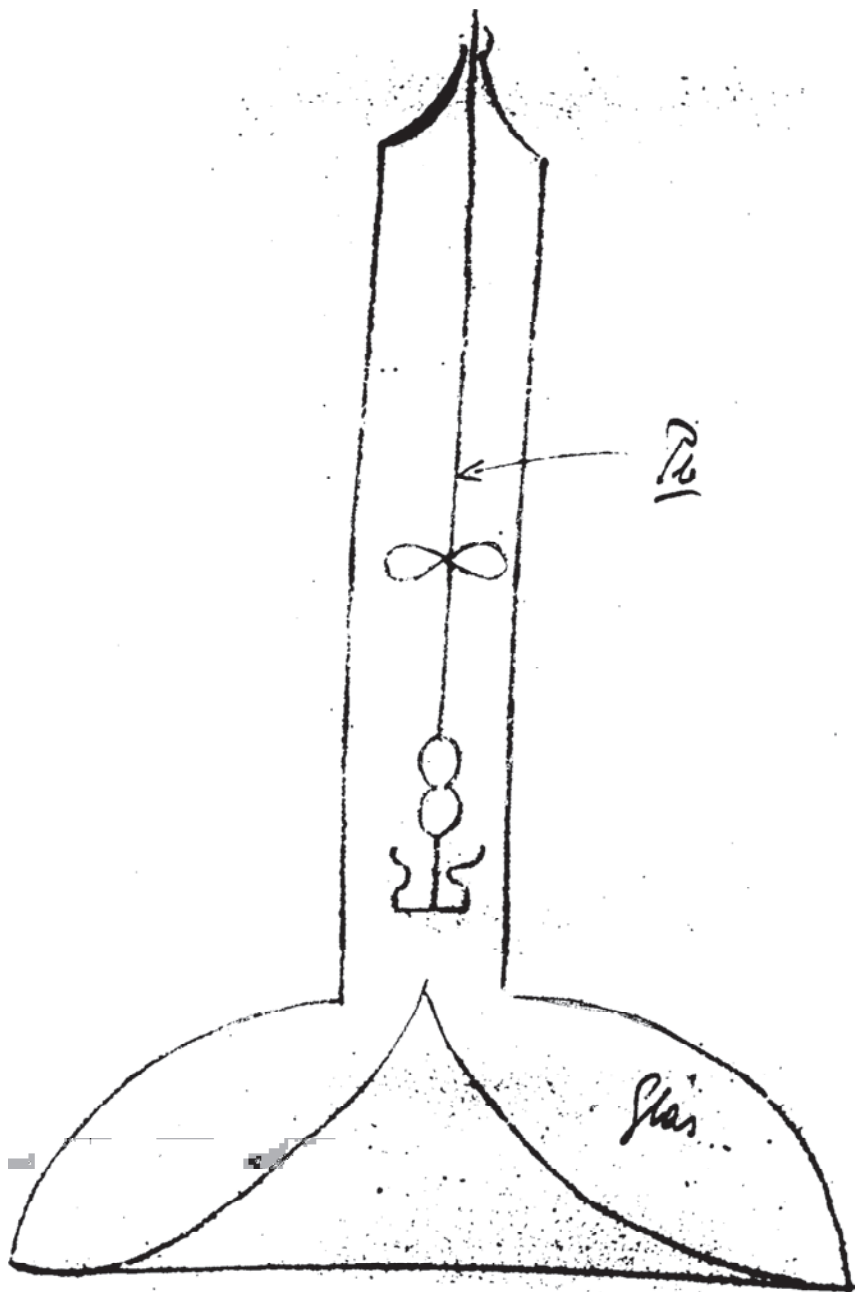

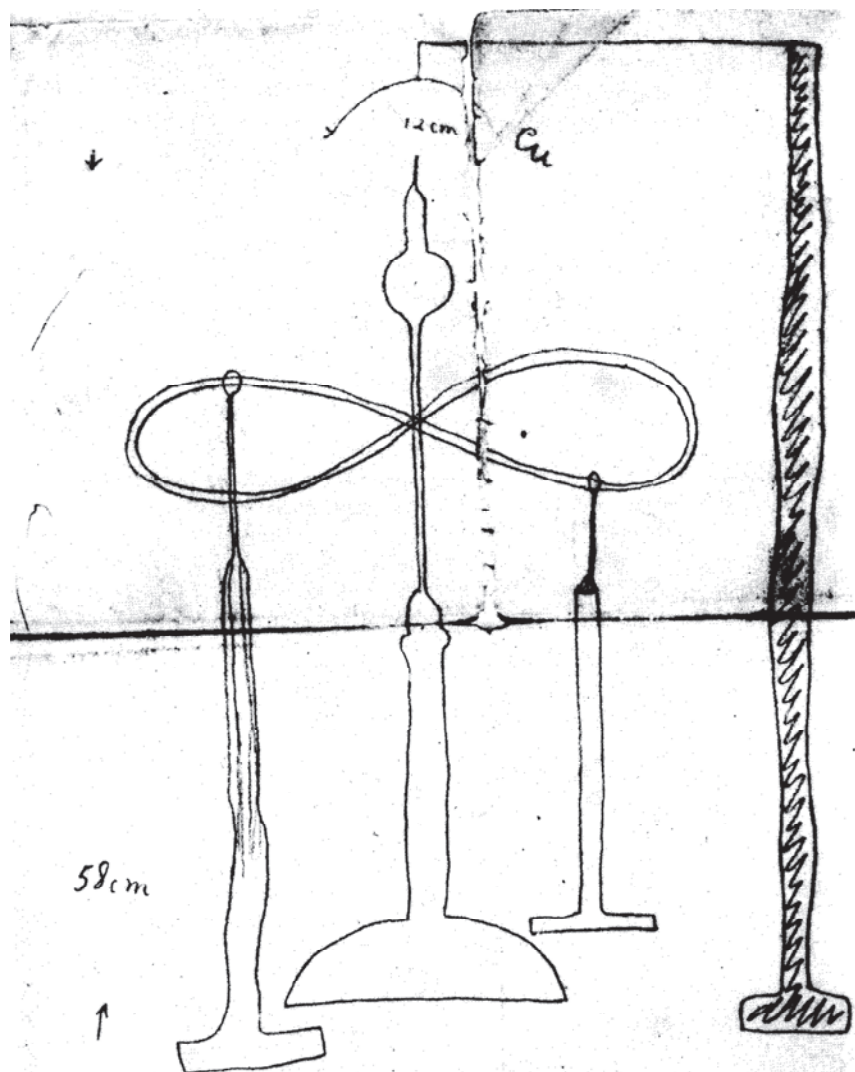
von oben

Alle Fass, dimensions - Karant.

Механический оккультизм, мотор Кили, техника будущего в докладах Рудольфа Штайнера

(В данном переводе эти материалы включены в приложение)

Хронологический обзор
(кроме естественнонаучных курсов, ГА 320 – 326)

Дата	Содержание	ГА, стр.
16. 12. 1904	Физический атом есть сконденсированное электричество. Человеческие мысли и электричество. Необходимые изменения в промышленности и возведение стен	93, 112 и далее [«Философско-антропософское издательство» Москва 1998, с. 82 и далее]*
23.12.1904	Отношение атома и машины. Через изменение атома связь духа с минеральным миром	93, 118 и сл. [Там же, с. 86 и след.]
30. 03. 1905	Толстой – Кили	53, 295 [См. приложение]
2. 01. 1906	Мотор Кили; пересечение механического и морального	93, 286 [«Философско-антропософское издательство» Москва 1998, с. 217 и след.]
12. 02. 1906	Мотор Кили; преобразование механического механизма в моральный механизм	97, 40 и сл. [См. приложение]
1. 10. 1911	Свет, электричество, химические силы, магнетизм, третья сила. Ответы на вопросы к докладу: девахан, химизм, магнетизм, электричество; о «ещё более страшной силе»; мораль	130, 95 и сл., 102 и сл. [Лекция из ГА 130 «Эфиризация крови» «Антропософия», Москва 1994, с. 17-18, 22-23]
Август 1912	Мистериальная драма «Страж Порога»: Штрадер и аппарат Штрадера	14, 278 и сл., 320 и сл. [«Энигма» Москва 2004, с. 336-338, 344, 422-439, 414]

* В квадратных скобках примечания переводчика: русское издательство, год издания, страницы.

20. 06. 1916 Кили как антипод Толстого; мотор Кили: „Ещё существовал идеал, слава Богу, что тогда существовал идеал, ибо чем стала бы эта война, если бы этот идеал Кили осуществился тогда!” 169, 67 и сл.
[См. приложение]
2. 10. 1916 О назначении магнетических и электрических сил из космоса в человеке. Рассмотрение истории развития, начиная от лемурийского периода вплоть до XVIII и XIX столетия 171, 215 и далее
[См. приложение]
12. 11. 1916 Человек и машина. В будущем „все фабрики будут действовать индивидуально, в зависимости от того, кто руководит фабрикой”. 172, 91 и далее
[См. приложение]
26. 11. 1916 Современная техника и демономания. Электричество 172, 194 и далее
[См. приложение]
18. 12. 1916 Перенос вибраций эфирного тела человека на механизмы 173, 215
[См. приложение]
16. 11. 1917 Нервная система и электрические силы. Электрические токи в человеке и их ариманическая природа 178, 58 и сл.
[См. приложение]
25. 11. 1917 Человек и механизация. «Механическое животное». Космические силы и машины 178, 218 и сл., 230 и сл.
[См. приложение]
9. 10. 1918 Высвобождение огромных механических сил через гармонизацию вибраций 182, 156
[См. приложение]
12. 10. 1918 Природные ритмы и техника 184, 295
[«Новалис» Москва 2004, с. 311]
1. 12. 1918 О законе гармонирующих вибраций и его техническое перемещение прежде всего в англоязычное население 186, 70 и далее
[«Новалис» Москва 2003, с. 67 и далее]
8. 11. 1920 Мотор Кили. Слияние механически-материального с духовным 197, 164 и сл.
[См. приложение]
20. 10. 1923 Машины и вибрации 230, 37
[«Лонгин» Ереван 2007, с. 37]

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Духовная наука, естествознание, техника

*Открытый доклад,
прочитанный в Высшей технической школе в Штутгарте
в четверг, 17 июня 1920 года*

Мои глубоко уважаемые сокурсники! Если я попытаюсь сегодня изложить вам кое-что из области того, что я несколько лет тому назад назвал антропософски ориентированной духовной наукой, то это означает, что сегодняшним вечером в одном, до известной степени первом, докладе я не смогу дать ничего иного, кроме некоторых импульсов, и я вовсе не строю иллюзий, что благодаря одному такому изложению сразу же в один миг можно вызвать убеждение. Но, возможно, после общей характеристики, которую я дам, и в последующем затем обмене мнениями будут удовлетворены частные пожелания и могут быть обсуждены частные вопросы.

Я хотел бы, чтобы не слишком растягивать наше время, сразу же подойти к существенному в настоящий момент, то есть: дать характеристику того, чем собственно хочет быть духовная наука в антропософски ориентированном смысле. Она отличается от того, что обычно называют наукой, методами своего исследования. И она убеждена в том, что именно серьёзное, честное последовательное стремление в науке новейшего времени должно, в конце концов, привести к её методам. Я хотел бы говорить с вами непременно в научном духе, ведь я сам всё-таки исходил поистине не из какого-либо воззрения теологии, не из каких-либо мировоззренческих вопросов или философии в том смысле, как ими обычно занимаются, но я сам, однако, исходил из технических исследований. И, исходя из самих технических исследований, для меня эта духовная наука проистекла как некая необходимость нашего исторического периода развития. Поэтому меня особенно радует возможность говорить сегодня вечером именно с вами.

Занимаясь естествознанием, мы в смысле сегодняшнего мышления, прежде всего, имеем перед собой нечто, простирающееся вокруг нас как мир чувственных фактов. И затем мы применяем наше мышление, применяем именно наше методически обученное мышление для того, чтобы найти законы из соответствующего следования этих чувственных фактов. Этот способ отношения к миру отнюдь не является тем, что отвергает духовная наука, напротив, она хочет стоять на твёрдой почве этого исследования. Только, стоя на этой твёрдой почве, она исследует, исходя из точки зрения самой человеческой жизни. Она, поскольку хотела бы как раз серьёзно действовать вместе с естественнонаучным исследованием, просто приходит к той границе естественнонаучного познания, с которой абсолютно соглашается рассудительный естествоиспытатель. И в отношении того, чем может быть естествознание, она стоит целиком на почве тех, которые здесь говорят: В обобщении внешних фактов мы продвигаемся с научной методикой до определённой ступени, но не можем выйти за определённую границу, если остаёмся на почве самого этого естественнонаучного исследования. Но когда достигнуто то, чего добиваются в обычной жизни и в обычной науке, тогда только начинается то, чего хочет подразумеваемая здесь духовная наука. Когда, мысля, мы понимаем факты вокруг нас, мы приходим к определённым граничным понятиям. Я лишь напомню здесь такие граничные понятия, безразлично, толкуешь ли их теперь только как действие или как реальность. Мы приходим к таким граничным понятиям как атом, материя и так далее. Мы ими оперируем, даже если не ищем позади них демонических существ. Эти граничные понятия, граничные представления, предстают нам совершенно по-особому, когда мы прослеживаем лежащие в основе техники естественнонаучные отрасли, которые присутствуют до определённой степени как опоры. И, если хочешь стоять в пределах обычной науки, непременно остаёшься перед этими граничными опорами.

Однако для духовного исследователя, которого я здесь подразумеваю, подлинная работа начинается только у этих граничных опор. Здесь речь идёт о том, что духовный исследователь во время того, что я — пожалуйста, не будьте шокированы этим, это, как и другое,

тоже техническое выражение, — называю медитацией, приходит к определённой внутренней борьбе, к внутреннему сражению жизни с этими понятиями, более или менее со всеми граничными понятиями естественной науки. И эта внутренняя борьба не остаётся для него бесплодной.

При этом я должен вспомнить одного человека, который здесь в этом городе, в этой высшей школе учился во второй половине предыдущего столетия и всё снова и снова подчёркивал эту борьбу, к которой приходит человек, когда он доходит до границы обычной науки. Это Фридрих Теодор Фишер, который кое-что знал о том, что может переживать человек, когда он подступает к понятиям материи, атома, закона природы, силы и так далее. Не в одном лишь погружении в размышление состоит то, что я здесь подразумеваю, но это состоит в том, что в глубине своей души советуешься со всем, что привело к этим понятиям, — это состоит в том, что мы пытаемся медитативно жить с этими понятиями.

Что собственно это значит? Это значит: основать в себе внутреннюю дисциплину, уметь смотреть на то, что имеешь, наконец, в душе, когда доходишь до такого понятия предела, именно так, как смотрят обычно на внешние объекты. Я мог бы назвать вам и многое другое, кроме того, что я только что назвал. Когда на таких понятиях пытаешься строго концентрировать весь объём душевного с абстракциями всего остального переживания, — тогда делаешь внутреннее открытие. И это внутреннее открытие содержит нечто потрясающее. То есть оно показывает нам, что с определенного момента жизни, внутренней жизни, наши понятия становятся чем-то, что развивается в нашей душе через само себя, что ведёт себя иначе по отношению к такой внутренней медитативной работе, чем ведёт себя, когда мы воспринимаем это лишь как результат внешнего наблюдения. Так же, как мы наблюдаем у подрастающего ребёнка, как дифференцируются определённые органы, которые сначала выступали больше недифференцированными, как мы воспринимаем, что органы растут, так и при такой медитативной самоотверженности в результате научного переживания мы чувствуем, что имеет место внутреннее развитие души. И тогда испытываешь потрясение

и говоришь себе: Не через спекуляцию, не через спекулятивную философию одолевается то, что называют границей естественного познания, но через непосредственное переживание, то есть благодаря тому, что добытое благодаря мышлению преобразуешь во внутреннем переживании созерцания.

Этим делается первый шаг. Только надо обязательно ощущать, как совсем другим становится метод и как поэтому в отношении обычного естественнонаучного метода, который также может объективно признаваться мной, выступает нечто совсем новое, когда к восприятию внутреннего переживания переходит чистое (bloße) мышление. И только потом благодаря последовательному, терпеливому и упорному переживанию в этом направлении вступает то, что в итоге можно обозначить не иначе, как переживание духовного бытия. Нельзя в другом роде говорить о переживании духовного мира, исходя из антропософски ориентированной духовной науки. Ибо это переживание духовного мира не является чем-то, что свойственно человеку от рождения. Это нечто такое, чего человек должен добиваться сейчас. Когда приходишь к определённой ступени этого переживания, тогда замечаешь, что это мышление, которым мы обычно пользуемся и которое обычно является инструментом для постижения окружающего мира, что это мышление всё же находится в другом отношении ко всему нашему телесному бытию, чем собственно вынуждены считать, исходя лишь только из познания природы.

Исходя только лишь из познания природы замечают, как вместе с телесными изменениями и преобразованиями, как с юношеским возрастом, как со старостью и так далее изменяются также и душевные состояния. С помощью естественнонаучного мышления можно идти дальше физиологически. Можно показать, что фактически в нервной системе, в головном мозгу существует проявление того, что является структурой, конфигурацией нашего мышления. И прослеживая вопрос последовательно с одной стороны, можно сказать: Да, из чего-то, что конечно сегодня самое большее можно было бы установить гипотетически, проистекает то, чем является мышление, чем является жизнь в мыслях.

Тот, кто внутренне в той же мере пережил то, что я охарактеризовал как переживание, тот говорит иначе. Он говорит: Когда идёшь, допустим, по размокшей улице, или когда автомобиль едет по размокшей улице, тогда видишь отпечаток борозд, шагов. И было бы явной ложью, если бы теперь выдвинули теорию, что должно было существовать внеземное существо, благодаря которому возникли шаги и борозды; или если бы выдвинули гипотезу, что якобы под земной поверхностью существуют определённые силы, которые действуют так, что послужили причиной этих шагов и этих борозд. Исходя из одного лишь естественнонаучного рассмотрения, говорят так (и я с определённым правом говорю это категорически): То, что является физиологическим формированием головного мозга, всё-таки является тем, что в завершении проявляется в функции мышления. Но переживший то, что я охарактеризовал, не скажет так. Он говорит: Как эти шаги и борозды не вспаханы изнутри благодаря внутренним силам Земли, но оставлены чем-то, что прошло или проехало, так и свободное от тела (*leibfreien*) мышление поместило в свои борозды физический мозг. И то что, кроме того, определённо изменило эти борозды, когда мы вступили через рождение в физическое бытие, — также представляет собой то, что, спускаясь из духовных миров, вообще совершает работу только по оформлению этих борозд.

То есть определённым образом догадываешься о том, что душа непременно деятельна, непременно является тем, что сначала оформляет телесное. Я знаю, что можно, само собой разумеется, создать сотни отговорок против того, что я говорю, если исходить только из интеллектуально-теоретической точки зрения. Однако же, духовная наука должна как раз указывать на переживание, должна указывать на то, что до этого переживания по праву полагают, что мыслительная жизнь возникает как некая функция, исходя из телесного мозга, в то время как, переживая теперь сам эту мыслительную жизнь, знаешь, как она деятельна сама в себе, как она сама в себе реальна и подвижна и как она поистине активна по сравнению с пассивным телесности.

Таким образом, то, что существует как первый конечный результат, есть нечто, что добывается не через прямолинейное продолжение обычных научных методов, но только через метаморфозу, только через преобразование обычного научного метода в некий метод, который можно только *переживать*, который состоит не в спекуляции, но во внутреннем переживании. — Это одна сторона.

Другая сторона этого внутреннего переживания больше касается внутреннего волевого развития человека. Мы можем, рассматривая нашу жизнь, смотреть на метаморфозы, которые мы испытали в жизни. Мы вспоминаем, какими мы были во внутренне душевном, во внешне телесном состоянии год, пять, десять лет тому назад и говорим себе: Мы претерпели изменения, метаморфозы. — Эти изменения, эти метаморфозы, которые мы претерпели, — как же мы их претерпели? Внешнему миру мы отдаёмся определённым образом пассивно. Ведь в действительности нам стоит сказать только одно: Положа руку на сердце, насколько мы активны в том, чем мы стали, прежде всего, через внешний мир? Внешний мир, наследование, воспитание и так далее они оформляют нас; и то, что оформляет внутри, продолжает действовать дальше. Как правило, здесь мы в действительности пассивны. Когда же это преобразуешь в активность, когда из этого формируешь то, что в самом превосходном смысле можно бы назвать волевым воспитанием собственной личности, тем способом, который я сейчас охарактеризую, то добавляется второй элемент к тому, который мы охарактеризовали в качестве первого на пути к духовному исследованию. А именно, когда добиваешься того — а этого можно достичь только методическим обучением в том смысле, как я изобразил это в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» и в других книгах, — когда путём методического обучения достигаешь того, чтобы сказать себе: Я хочу однажды конкретно заняться собой, пусть и в малой части того, что должно возникнуть во мне. Я хочу заняться собой, чтобы во мне возникло то или это свойство. И если я действительно добиваюсь выработки в себе такого свойства — пожалуй только спустя годы — через сильное возбуждение воли, если я то, что в жизни обычно возникает лишь пассивно, создам сам из себя, если я возьму

в руки свою волю и своё развитие, хоть я выражаюсь несколько парадоксально, — в определённой части это, разумеется, невозможно, — если полностью возьму в свои руки, тогда, сверх этого, с реальной областью определённым образом соединится ещё то, что обычно является только памятью, что является только воспоминанием. До известной степени свою жизнь обзираешь как нечто обозреваемое в одном ряду и тогда достигаешь того, что узнаёшь волю в её истинном характере. В то время как *мышление* познаёшь как нечто такое, что отрывается от телесного тем больше, чем больше вступаешь в жизнь, приходишь к тому, что учишься познавать свою *волю* как охватывающую, собственно, телесное всё больше и больше: она всё больше и больше пронизывает нас, протекает сквозь нас, и умирание, собственно говоря, есть ничто иное, как борьба воли с телесными функциями до того момента, когда телесные функции приходят к определённой границе, когда мы проходим через более раннюю или более позднюю смерть; и в этом случае воля, которая уже не может так воздействовать на наше тело, окончательно растворяется в том, что совершает тело; эта воля отделяется и, когда мы умираем, один элемент души теперь фактически вступает в реальный, в духовный мир.

Так речь идёт о том, что называемое в обычном смысле идеей бессмертия подразумеваемая здесь духовная наука не прослеживает путём какой-либо спекуляции; что эта духовная наука, собственно говоря, совершенно преодолевает способ, каким мир обычно приближается к этой идее; что духовная наука, собственно продолжая естественнонаучное исследование, через воспитание мыслей и воли доходит до того, чтобы в своём развитии овладеть тем, что мы несём в себе — мышлением и желанием — так, что схватываешь это даже тогда, когда это душевное, которое живёт в мышлении и в желании, живёт как раз бестелесно способом, какого уже не могут достигать органы чувств.

Пожалуй, так уж происходит, что предельно сжато изложенное мною здесь для вас рассматривается самыми широкими кругами нашей современности как нечто фантастическое и подобное мечтам. Только как же это может быть иначе! Всё, что вначале однажды

вступает в мир и явно противоречит тому, что здесь уже существует, сначала рассматривается как нечто фантастическое, подобное мечтам. Но я не думаю, что так это будет для всех времён, что никогда не узнают, что охарактеризованное здесь, по крайней мере по двум характерным элементам, как метод духовной науки является лишь неким продолжением, но полным жизни продолжением того, чего собственно достигает естествознание, но с чем естествознание доходит до определённой границы.

Если сегодня в целом говорят о духе, то это ведь уже принимается не так плохо, как это было ещё в последней трети XIX столетия, когда из естественнонаучного познания в определённом материалистическом духе было сформировано мировоззрение, которое собственно само хотело только сделать последний вывод естественнонаучного мышления. Сегодня уже снова дозволено, по крайней мере спекулятивно, говорить о духе. Но это принимается ещё довольно плохо, когда о духе говорят так, как я это сделал только что. Ибо это имеет некую определённую последовательность.

Когда овладел тем, что в своей книге «О загадке человека» я назвал «созерцающим сознанием», когда усвоил то, что следует из развитого таким образом мышления и желания, тогда посредством этого созерцающего сознания на самом деле знаешь себя в духовном мире, именно как знаешь себя в цветном и звучащем мире благодаря своим глазам и ушам. До некоторой степени то, что существует в окружении, наполняется духом так же, как открывается мир цвета для того, кто родился слепым и был прооперирован и с определённого момента жизни всё видит в цвете, как мир, который прежде окружал его, наполняется чем-то другим. Так происходит, когда вступает это созерцающее сознание. Мир, который прежде привык созерцать как мир чувств и комбинирующего рассудка, наполняется духовностью. И дух становится чем-то конкретным. Дух становится чем-то, что можно проследить даже в его конкретном формообразовании. Уже не говоришь о духе в целом. Если кто-то говорит о духе в целом, то это так, как если человек идёт по лугу, где находятся цветы. И когда его спрашивают, что это за цветок и что за цветок тот, он только говорит: Это всё растения, растения,

растения. Так и сегодня позволяют говорить человеку: Позади чувственного мира существует духовный мир. — Однако духовная наука не может останавливаться на этом, она должна исследовать духовные факты в конкретном — потому что духовный мир ведь существует вокруг нас как цветной или звучащий мир, — как обычно исследуют с помощью чувств и комбинирующего рассудка цветной и звучащий мир. И тогда прежде всего другого усваиваешь совершенно определённый способ принимать мир. Ведь происходит это так, что вдруг, становясь видящим, несмотря на то что рождён слепым, усваиваешь другое отношение к миру; необходимо только ориентироваться. Ничего не знаешь о перспективе пространства, вначале должен её изучить. Так необходимо, конечно, усвоить и определённое отношение к миру, некую позицию к миру, когда переходишь к созерцающему сознанию. Тогда многое кажется своеобразным. Поэтому современники пока неправильно понимают духовного исследователя.

Видите ли, духовный исследователь ведь никогда не говорит, что полученное благодаря методам строгого естествознания, а также данное как выводы из этих результатов строгого естествознания, как-то неправильно, да, это логично и тому подобное, но он вынужден из своего духовного созерцания добавлять к этому кое-что, что в таком случае должно не просто суммироваться, но является чем-то, что во многих отношениях полностью изменяет результаты естествознания.

Возьмите геологию. Я хочу привести один пример. Лучше беседовать о конкретных вопросах, чем болтать вообще. Я вполне понимаю и сам мог бы проследить этот метод: когда исследуешь лежащие друг на друге геологические слои и то, что происходит сегодня вокруг нас в образованиях горной породы, в залеганиях водных путей, и затем вычисляешь — хоть то, о чём идёт речь, не является никаким истинным расчётом, но только чем-то приблизительным, — каков возраст данных горных слоёв, тогда приходишь к известным числовым величинам. И тогда, как вы все знаете, приходишь до того начала, в связи с которым Земля — как принимают гипотети-

чески — образовалась из некоей пратуманности и тому подобного. Не стоит это излагать более подробно, вы всё это знаете.

Но для духовного исследователя просто благодаря тому, что он переживает то, что я вам охарактеризовал — разумеется, лишь кратко, чтобы поднять вопрос, а не убеждать, — для духовного исследователя это происходит так, что он должен сказать себе: Однажды я предполагаю, что кто-то исследует изменения, скажем в человеческом организме, например, изменения сердца в пределах пяти и следующих пяти лет. Я прослеживаю, как изменяется человеческое сердце в течение пяти, десяти лет, наблюдаю, что здесь происходит. И теперь я подсчитываю, когда просто последовательно сужу на основании того, что у меня получилось, каким было сердце триста лет назад. Здесь я, разумеется чисто математически, извлекаю определённый результат. Теперь я знаю, каким было это сердце триста лет тому назад. Только нельзя возражать именно против того, что *это сердце* тогда ещё не существовало. Таким же верным, как и геологический способ рассмотрения, был бы и этот способ рассмотрения, позволяющий на основе маленьких изменений человеческого сердца делать вывод, каким было это сердце триста лет тому назад, вот только тогда оно *так* не существовало. Так же верно — ибо я всецело признаю, что то, что открывает геология, соответствует, по крайней мере, некоей относительной действительности — и всё то, что заключают из геологических фактов по поводу развития Земли. Но затем мы перемещаем то, что выявляется как вывод нашего расчёта, во времена, когда Земля ещё не существовала в своей нынешней форме. Или же мы, вычисляя некое состояние Земли, говоря о некоей энтропии или о тому подобном, о том, что представляется нам из наших наблюдений, касающихся некоторого ограниченного периода времени, перемещаем это во временную эпоху, бывшую миллионы лет тому назад. Но для духовного исследователя это то же самое, как если бы он вычислял, каким свойством может обладать человеческое сердце в триста лет.

Это то, к чему приходишь, когда обычные научные методы преобразуешь в переживаемое. Ибо, видите ли, человек фактически является экстрактом всего космоса. В человеке обнаруживаешь как-то

изменённым, как-то извлечённым, уравновешенным или тому подобным то, что существует в космосе как закон. И вы спросите меня: Да как же ты, мечтатель, можешь утверждать такое, что Земля ещё не существовала в её нынешней форме? Тогда ты должен нам показать всё-таки некий путь, каким ты к этому приходишь!

Я, разумеется кратко, охарактеризую, как приходишь к таким утверждениям, которые я вам привёл. — Переживая желание, мышление, как я вам это описал, открываешь, что человек действительно есть некий род микрокосма. Я говорю не пустыми словами, как говорят туманные мистики, но при осознании, что это стало для меня таким ясным, каким может быть лишь решение какого-либо дифференциального уравнения, исходя из полной логической ясности. Открываешь, что человек внутренне является неким объединением, компендиумом всего мира. И точно так же, как в нашей обычной жизни мы ведь тоже знаем не только то, что чувственно нас окружает именно в этот миг, знаем это, отвлекаясь от того, что окружает нас чувственно в этот миг, принимаем во внимание картину чего-то пережитого примерно десять, пятнадцать лет тому назад, каким это всплывает перед нами, то есть чего-то, что уже не существует — но от неё в нас существует что-то, что даёт нам право сконцентрироваться на том, что существовало когда-то — так происходит и с расширенным сознанием, которое возникает через преобразование обычного мышления и желания. Так как человек на самом деле был связан со всем тем, что является прошлым, только с тем, что является прошлым, он был связан в более широком, в совсем другом, в более духовном смысле, нежели с переживаниями десять, пятнадцать лет тому назад, которые он снова может извлекать из своей души, то, когда расширяется сознание, становится возможным, что мы, как из космической памяти, когда уже мы при этом были, просто выискиваем то, что в нас обыкновенно для нашего обычного сознания не живёт дальше, но что живёт дальше для того сознания, которое возникло через метаморфозу, которую я охарактеризовал. Итак, это не что иное, как расширение, как повышение той силы, которая обычно является только силой нашего воспоминания, вследствие чего человек внутренне, просто из соб-

ственной природы, являющейся неким охватом, обобщением макрокосма, даёт конструктивно возродиться тому, что на самом деле существовало в определённый промежуток времени нашей Земли. Человек тогда смотрит на некое состояние Земли, когда она ещё не была материальна. И он смотрит — между тем как иначе он должен конструировать себе из современных переживаний геологии нечто такое, что должно было находиться в тот период — на некий период времени, когда Земля ещё не существовала, когда она была в гораздо более духовном облике. Он, конструктивно создавая то, что живёт в нём, видит то, что фактически лежит в основе образования нашей Земли.

И точно так же происходит с тем, что определённым образом как нечто конструктивное может всплывать в нас из некоего будущего состояния Земли. Отсюда вы видите, хоть я знаю, каким неудовлетворительным должно быть такое краткое изображение, что не из голубого тумана или из фантазии почерпнуто то, что я характеризую как духовную науку. Конечно, это непривычно. Но в том случае, когда метаморфоза сознания однажды осуществлена, то, что внутренне конструктивно представляешь здесь, существует перед сознанием точно с такой же внутренней ясностью, как и то, что волшебно совершаешь (*hinzaubert*) перед сознанием в математике или в геометрии, что ведь и возникает из глубины души человека.

И если потом кто-то приходит и говорит: Да, но всё-таки ты можешь утверждать лишь что-то, что могут увидеть *все* люди — то я говорю: конечно, пусть так, но, с одной стороны, речь идёт прежде всего о том, что тот, кто хочет это увидеть, должен сначала точно так же пережить всё то, что необходимо для понимания, равно как и тот, кто хочет решить дифференциальное уравнение, должен вначале пережить то, что делает его способным уметь их решать.

И, с другой стороны, когда возражают: Да, математически-геометрическое конструктивно устанавливает перед сознанием только то, что не является реальным, когда мы прослеживаем реальность внешнего мира, — тогда я говорю: Да, это так, но если мы ставим это перед собой конструктивно, то достигаем убеждения, что это является чисто формальным. Но когда имеешь в сознании оха-

рактированное, то знаешь — это реальность. Затем некто может сказать: Это вероятно самовнушение. — Тогда я говорю: Всё, что нам вообще даёт возможность говорить, что нечто является реальным, есть только результат переживания. — И когда иные люди возражают: Можно заблуждаться; кто-то может, например, задаться живой мыслью о лимонной кислоте, которую он пьёт, и если он, сверх того, очень чувствителен, он может даже иметь вкус лимона, — то я говорю: это возможно, но так же, как в обычной жизни можно отличить чисто мыслительный жар от того жара, который действует на кого-то, когда он реально касается горячего железа, так и благодаря внутреннему переживанию, когда имеешь видящее сознание — ибо таково схватывание реальности, — можно различать между тем, что является лишь одной фантазией, чистым внушением и тем, что является реальностью. И я бы сказал: Необходимо прослеживать вещи до конца, не останавливаясь где-либо. Кто останавливается там, где путь в действительности должен вести дальше, тот, пожалуй, подвержен внушению. — Поэтому я говорю: Разумеется, можно, если очень чувствителен и отдаёшься самовнушению, сказать: Я имею мысль о лимонаде, я даже чувствую его вкус — но мысленный лимонад мне не погасит жажду. Дело в том, что от ощущения вкуса переходишь к утолению жажды, что таким образом последовательно прослеживаешь путь. Переживание необходимо прослеживать только последовательно, тогда результат переживания непременно и будет таким, что укажет на что-то как на реальность в духовном смысле. Как и обозначение чувственной действительности или реальности, собственно говоря, не может достигаться теоретизированием, но является результатом переживания!

Итак, я охарактеризовал вам сейчас ту духовную науку, к которой приходишь, когда всецело как современный человек проходишь через всё то, что сегодня предлагает жизнь. Эта жизнь в последние тридцать-пятьдесят лет поистине чрезвычайно изменилась главным образом благодаря перевороту в технике. Когда я вспоминаю себя, возвращаясь в те годы, когда в начале восьмидесятых годов оборудовали первую техническую кафедру, и всё произошедшее с тех пор, тогда я получаю приблизительное представление, как сильно

изменился этот современный человек через всё то, что втянуто в нашу познающую, в нашу моральную, а главным образом также в нашу социальную жизнь. Тот, кто честно участвовал в этом, не говорит из какого-либо предубеждения: Ерунда, всё это естествознание всё-таки ничего не может нам дать! — но он как раз стоит на точке зрения: Естествознание может нам много дать! — кто как раз всем сердцем и душой находится при триумфе нового естествознания, тот может прийти к тому, что духовно лежащее в основе мира должно быть постигнуто тем способом, который я сегодня пытался вам изложить.

Кроме того смотришь, пожалуй, назад на ранние эпохи развития человечества и говоришь себе: В эти прежние времена развития человечества люди ведь мало говорили о духе. И способ, *каким* они говорили о духе, традиционно сохранён, оставшись в различных религиозных вероисповеданиях, которые сегодня поистине не сможешь совмещать с обычными выводами естествознания, будучи абсолютно честным и не желая вести двойную бухгалтерию жизни. Эти духовные выводы, скажешь себе, произошли из совсем другого состояния сознания человека. Благодаря тому, что мы изучали на протяжении трёх-четырёх столетий, в которых были собраны естественнонаучные методы, что стало для нас душевным настроением через образ мыслей Коперника, Галилея и Кеплера, когда мы в новое время прошли через всё то, что вывело технические законы из естественнонаучных законов, мы не просто достигли результатов, но благодаря этому в определённом роде также воспитано всё цивилизованное человечество. Вся конфигурация души стала другой, на самом деле не тогда, когда мы стали больше теоретиками, но когда мы стали более сознающими, когда мы благодаря развитию человечества в силу необходимости должны были оставить определённые инстинктивные состояния прежних эпох. И мы оглядываемся на то, что ощущали прежние эпохи как духовность, которая сохранилась в религиозных традициях, и говорим себе: То, что тогда существовало как духовность, схватывалось человеческим инстинктом. — Об этом не могли говорить, что сверх этого якобы необходим такой подъём сознания, исходя из методов естествознания, из методов

социального переживания нового времени. Тогда люди говорили так, что до известной степени, когда они видели явления природы, эти явления природы давали им дух, о котором они говорили. Как примерно стоял в мире древний цивилизованный египтянин? Он смотрел вверх, прослеживал движение звёзд, конфигурацию звёздного неба. Он видел в этом звёздном небе не только то, что видели Коперник, Галилей и Кеплер, но он видел нечто, открывавшее для него одновременно духовное. Так же, как, когда я двигаю рукой, в основе этого движения руки лежит душевно активное, так и человек прежних эпох чувствовал в происходящем снаружи духовное, лежащее в основе этого внешнего события, но чувствовал инстинктивно.

Затем вошло новое время, время естествознания. Я бы сказал: мы оглядываемся на продолжительное время, которое собственно достигло своего завершения примерно только в середине XV столетия, на долгое время развития человечества, во время которого люди не могли иначе, кроме как видеть чувственно существовавшее вокруг них одновременно и как духовное. Когда сегодня мы говорим об агрегатных состояниях: о твёрдом, жидком, о воздушных формах — то мы говорим так, видя материальное. Когда древний человек говорил о том, что для нас сегодня суть агрегатные состояния, для него это были, пожалуй, стихии, но они были не только материальным; это было духовное, которое им открывалось. То, что как материальный мир окружало человека, было для него внешним физически-духовным проявлением духовно-душевного точно так же, как для нас проявлением духовно-душевного является физический организм — однако всё было инстинктивно. Этот путь необходимо было покинуть в последние три-четыре столетия, когда человечество перешло к чему-то совсем другому, что определило тогда дальнейшее развитие. Человечество перешло к тому, что извлекло созерцание природы из чистого наблюдения, которое ведь всегда несколько связано с этим духовным созерцанием природы [...] Человек перешёл от одного лишь наблюдения природы к тому, что можно бы назвать экспериментирующим усвоением природы.

С тех пор, как действовали Бэкон и другие, на место одного лишь наблюдения природы вступило экспериментирующее усвоение при-

роды. В том, что мы сами готовим в качестве условия для какого-либо природного события, мы обозреваем именно эти условия. Через эксперимент мы находимся в другом положении, чем при простом наблюдении природы. В природе нельзя знать, существует ли то, что мне здесь открывается в моём рассудке или в моей фантазии, является ли это тоже какой-то совокупностью, или же я должен углубиться внутрь, гораздо, гораздо глубже, чем вещь мне представляется сначала. Короче, несмотря на всё точное наблюдение, то, что я наблюдаю в природе, остаётся как неизвестное мне. Когда я имею перед собой эксперимент, я сам ставлю условия; я прослеживаю, как одно вызывается из другого, и то, что в таком случае является всё ещё неизвестным, по существу и есть то, что собственно интересует. Кто составляет эксперимент и наконец наблюдает то, что можно наблюдать, в действительности имеет в виду результат того, что следует из обозреваемых для него условий. В эксперименте всё прозрачно совершенно иначе, чем то, что я наблюдаю в природе.

И постепенно люди привыкли к тому, чтобы в обозреваемом эксперименте иметь интерпретацию природы, до известной степени прослеживать закон природы там, где можно самому прослеживать условия его проявления. Но этот экспериментальный метод всё ещё связан с определённым внутренним стремлением, которое познание раньше всецело несло в себе. В те древние времена, когда ещё не существовало никакой техники, никакого естествознания в нашем смысле, было то, что рассматривали как науку, происшедшую прежде всего из стремления познания; из стремления, если я могу так выразиться, познать, разузнать, «что удерживает мир вместе в наивнутреннейшем». Теперь, когда вступил экспериментальный метод, существует не только стремление познания, но стремление создавать по образцу того, что образует природа. Но древнее стремление познания ещё продолжает жить. В эксперименте создают природу по образцу, чтобы затем разгадать саму природу. Так в новое время из экспериментального метода вместе с чем-то само собой разумеющимся произошла техника, и вместе с тем началась новая фаза.

Итак, мы можем сказать: в истории развития человечества вначале мы имеем определённое стремление познания исследование, затем экспериментальный метод, который однако всё ещё имеет в себе стремление древнего познавательного искания. Но когда переходишь — стоит только проследить, что собственно произошло, — от того, что можно пережить с экспериментом, к тому, что потом, исходя из эксперимента, совершается в познанных законах природы через технические решения, которые так глубоко вмешиваются в человеческую, в социальную жизнь, тогда говоришь себе: здесь существует некое третье, в чём переходишь от того, что в природе имеешь ещё как созданное по образцу, к тому, что является творящим уже в самом человеке. Я не думаю, что обращаюсь к совершенно нечувствительным душам, когда об этом творящем говорю следующее: Тот, кто вместе с тем своеобразным почерком (Duktus), с тем своеобразным настроением души проходит именно техническое обучение, тот чувствует себя внутри этого обучения иначе, чем тот, кто проходит примерно теологическое обучение — что является подражанием древнейшим методам познания — или одно лишь экспериментальное естественнонаучное обучение. Кто проходит экспериментирующее естественнонаучное обучение, тот прилагает к тому, что он наблюдает, математическое, геометрическое, теоретическую механику, фонономию и так далее. Он до известной степени вычисляет природу.

Стоишь на совсем другой позиции сознания, когда вначале имеешь перед собой то, что до известной степени является созерцаемым целиком внутренне: математическое, геометрическое — и когда прилагаешь это не только к эксперименту, то есть при подражании природе, но когда в полностью свободном творении используешь при конструировании машин. Если видишь, что то, что пережил как математику, как теоретико-механистическую химию, проникает вовне в конструирование техники, тогда мир переживаешь совсем иначе, чем его переживает чистый естествоиспытатель или инженер-теоретик.

В чём же истинная разница? Часто не принимают во внимание одно. В обычной тривиальной жизни мы всё возможное называем

«истинным», даже то, что в высоком смысле не является истинным. Мы называем «истинной» розу. Истинна ли роза в высшем смысле? Когда я имею её здесь перед собой, сорванной с куста, она не может жить. Такой, как она есть, она может быть сформирована, когда растёт на розовом кусте, когда вырастает из корня розы. Отрезая её, я имею перед собой истинную абстракцию — нечто, что не в состоянии находиться в форме. Но определённым образом так это происходит при любом творении природы. Когда я рассматриваю творение природы, даже кристалл, у которого, однако, это имеет место меньше всего, я не могу его понять, если смотрю на него одного, так как он, собственно говоря, так же мало может состоять из себя самого, как и роза. Но я должен сказать: Этот кристалл возможен только в целой среде, пожалуй, когда он вырос в друзе в горном образовании.

Но когда я имею перед собой то, что я сформировал сам как техническое творение, то к этому я отношусь иначе. Это можно ощутить, — ощутить даже как нечто в корне знаменательное в переживании современного человека, который сам, исходя из технического образования, смотрит на то, чем стала техника в современной жизни. Когда я имею перед собой техническое творение, конструируя его, исходя из математики, теоретической механики, тогда оно является чем-то завершённым в самом себе. И если я живу в том, чем является, собственно говоря, объём всего технического творчества, я имею перед собой не только отображение законов природы, но передо мной действительно находится нечто новое в том, что возникло из законов природы в технических творениях. Здесь существует нечто иное, лежащее как законы в основе технического творения, нежели то, что лежит также в основе неорганической природы. Происходит не только простое перенесение законов неорганической природы, но весь смысл творения относительно космоса становится иным, когда я как свободно творящий человек вставляю в техническое творение то, что я обычно переживаю, исходя из формирования физического или химического исследования.

Но вместе с тем можно сказать: Тем что современное человечество дошло до того, чтобы иметь техническое, впитанное из всего

объёма природного, тем что мы должны были в новое время учиться жить в области технического так, что мы с человеческим сознанием находимся к техническому совсем в другом отношении, чем к порождённому природой, мы говорим себе: Сейчас впервые происходит так, что мы стоим перед миром, который теперь до известной степени душевно прозрачен. Мир одного лишь исследования природы определённо не является душевно прозрачным. Смотришь не на причину. Мир технического является таким, как прозрачный кристалл — конечно понятый душевно. Этим именно с современной техникой действительно достигнута новая ступень духовного развития человечества. Этим нечто иное вступило в историю развития человечества. Поэтому даже современные философы не сумели помочь себе тем, что возникло здесь в этом современном сознании именно благодаря триумфу техники. Я, пожалуй, могу указать на то, как мало знает чисто философский, спекулятивный способ мышления, что делать с тем, что взяло современное сознание человечества именно от техники. Нами сегодня из того, что исходит от руководящих, ведущих течений развития человечества, взято ведь гораздо больше, чем мы полагаем. Того, что сегодня является всеобщим сознанием, ещё не существовало, когда ещё не было газетного дела, когда единственной духовной связью было то, что люди в воскресенье слушали в церкви речи пастора с церковной кафедры. То, что сегодня является общим образованием, втекает без осознания этого в самые широкие массы через определённые каналы ведущих течений. И таким образом то, что пришло через техническое сознание, в ходе очень короткого времени напечатлело мыслеформы самым широким массам; это живёт в широчайших массах, не осознанное ими.

Таким образом, мы можем сказать: Случилось уже так, что здесь втянуто нечто новое. И вот [...] выступает удивительное философское направление — так называемый прагматизм Уильяма Джеймса*

* Уильям Джеймс (William James), 1842-1910, философ, преподавал в гарвардском университете США. «Прагматизм. Новое имя для старых методов мышления», Лейпциг, 1908 год.

(William James), который тут говорит: Истины, идеи, желающие быть одной лишь истиной, являются чем-то нереальным. В истине истинно только то, из чего мы заключаем, что оно может быть осуществлено. — Мы как люди ставим себе определённые цели; соответственно с этим мы формируем действительность. И если мы говорим себе: То или это истинно в соответствии с законом природы, — то создаём из этого соответствующее устройство. Когда мы можем в машине, в механике осуществить то, что мы себе представляем, тогда для нас благодаря применению в жизни доказано, что это истинно. Но нет никакого другого доказательства, кроме доказательства применения в жизни. И только то, что мы можем осуществить в жизни, является истинным. Так называемый прагматизм, который всё прослеживает логически и признаёт собственно доказательство истины только через то, что происходит снаружи, фигурирует сегодня в широчайших кругах как американская философия и является тем, что и в Европе захватило некоторых людей десятилетия тому назад, уже до войны.

Все те, кто являются философами и по-прежнему хотят продолжать мыслить на старых путях, не знают, что делать с тем, что выступило как новая техника, как сознание новой техники, не знают ничего другого, кроме как вообще исключить понятие истины. Тем, что они вышли из инстинктивного постижения природы, из экспериментирующего творения по образцу природы к свободному конструированию природы, им ничего не осталось, кроме свободного внешнего формообразования. Внутреннее переживание истины, то душевное переживание в себе того, что как духовное может проходить сквозь душу, — это собственно отвергается ими, и ценится как истинное только то, что может осуществляться во внешних целесообразных устройствах. То есть: *несущее само себя в человеческой душе понятие истины по сути дела исключено.*

Что ж, возможно и другое развитие; возможно *такое* развитие, что мы переживаем, что в непосредственной сущности (Substanz) технического устройства из природного выделяется нечто, внутри которого уже больше ничего не находится, что мы можем предчувствовать, но только то, что мы можем обозревать. Ибо, если мы это

не обзираем, то не можем его разрабатывать. Когда мы это переживаем, когда мы как раз правильно пронизываем себя тем, что можно в этом пережить, в нас тем более должна пробуждаться определённая потребность. Этот новый внешний мир является нам без внутреннего подтверждения идей; он является нам без внутреннего переживания идей. Поэтому через это новое переживание мы готовимся к чистому переживанию того, что является духовностью, того, что человек во внутреннем должен пережить отвлечённо от всех внешних наблюдений так, как я пытался кратко изобразить это вам в начале моих сегодняшних рассуждений.

И таким образом я верю, что поскольку в развитии человечества мы продвинулись вперёд к некоему созерцанию той действительности, которую мы можем обозревать снаружи, когда мы уже не можем видеть во внешнем виде что-либо демоническое, призрачное, поскольку мы достигли наконец умения объяснять внешнее чувственное уже не так, чтобы говорить: Это для нас непрозрачно, и мы можем позади этого допускать что-то духовное, — постольку мы вынуждены стараться найти в себе силы для духа благодаря собственному развитию души. Мне всегда это казалось таким, как будто реальное честное переживание того сознания, которое подходит к нам именно из техники, призывает нас на другую сторону, потому что иначе то, что тесно связано с нашей человеческой природой, могло бы у нас пропасть, что оно призывает нас пережить теперь в глубине души то, что является духовностью, чтобы на одном полюсе прозрачной механики, прозрачной химии поставить то, что теперь может быть достигнуто духовным обзором, что может располагаться перед человеком в духе. Мне кажется, что в наше время необходимо, чтобы проявился духовный обзор антропософии по той причине, что мы достигли как раз определённой ступени развития в истории человечества.

И присоединяется, кроме того, второе: с этой новой техникой поднялась одновременно новая социальная жизнь. Мне не нужно описывать, как именно современная техника создала современный индустриализм, как эта современная техника породила современный пролетариат в той форме, каким он является ныне. Но можно

увидеть, что когда хочешь поставить себя только на точку зрения прежних научных методов, на точку зрения того, что вытекает из наблюдения, тогда наши мысли становятся недостаточными (zu kurz werden). Мы не приходим к охватыванию того, что действительно обнаруживается в социальной жизни. Для постижения того, что в социальной жизни проистекает из человеческого, необходимо прийти к истинам, которые тоже обнаруживаются только через саму человеческую природу. Итак, я полагаю, что марксизм и другие подобные шарлатанства, которые сегодня так взбунтовали людей, можно будет преодолеть, только применив к тому, что является социальной жизнью людей, особые методы, которые необходимо найти как противоположный полюс техники, когда смогут благодаря этому внести во внешнюю жизнь, в широкие массы *духовность*, поскольку сами нашли эту духовность через внутреннее переживание.

Поэтому не случайно, что, исходя из той же основы, из которой мне даётся антропософски ориентированная духовная наука, для меня поистине естественно проистекло также то, что я попытался изложить в моей книге «Основные черты социального вопроса». Я просто попытался сделать выводы для социальной жизни из того, что является духовнонаучным познанием. И для меня целиком само собой получилось то, что я изложил в этой книге.

Я не думаю, что без духовной науки можно найти методы, которые охватывают отношение человека к человеку в социальной жизни. И я полагаю, что, поскольку мы сегодня ещё не достигли познания социальной жизни, мы не можем одолеть саму эту социальную жизнь, и что поэтому в тот момент, когда после ужасной военной катастрофы люди стали перед необходимостью осуществить восстановление, мы попали в хаос прежде всего потому, что осуществлять то, что должно быть осуществлено, необходимо, исходя из *духовных законов*, а не из того, из чего ложно понятое познание полагает основывать это на законах природы, как в марксизме и в других радикальных разработках социальной науки.

Так, мои уважаемые присутствующие, я смог именно перед вами представить нечто, что для меня, собственно говоря, является чем-

то истинно личным. И я могу сказать: Высказавшись перед вами, я чувствую себя в этот момент перенесённым в прежнее время, в восьмидесятые годы прошлого столетия, когда мы в Центральной Европе вживались в некое время, которое всеми ощущалось так, что наступает время подъёма. Сегодня мы достигли некоего момента времени, когда то, что тогда всплывало в весенних надеждах, стоит перед нашим духовным взором в совершенно трагическом виде. Те, кто оглядывается на то, что тогда казалось неудержимым подъёмом, сегодня видят, что для многих людей это во многих отношениях всё-таки было заблуждением.

Обращаясь к вам, я обращаюсь к сокурсникам, которые находятся в другом положении. Многие среди вас, пожалуй, находятся в том возрасте, в каком я пережил ту весеннюю надежду, и переживают нечто очень похожее на фантазии, которые тогда из весенних надежд выступили перед человеческой душой. Но кто так исполнен возможностью и необходимостью духовного познания, как говорящий перед вами, тот никогда не может быть пессимистичным в отношении сил человеческой природы. Он может быть только оптимистом. И поэтому мне это отнюдь не кажется чем-то невозможным, что вы, достигнув когда-то того возраста, в каком я сегодня говорю перед вами, переживёте обратный путь, тот обратный путь, который из силы человеческой души, прежде всего из духовной силы человеческой души, теперь снова ведёт вверх. И так как я, исходя из познания духа, верю в человека, то я верю, что нельзя, подобно Шпенглеру, говорить о некой гибели, некой смерти западной цивилизации. Но веря в силу души, которая живёт в вас, я верю, что мы снова должны прийти к восхождению. Ибо достигает этого восхождения не пустой фантом, а человеческая воля. И я настолько верю в истину охарактеризованной вам духовной науки, что убеждён в том, что эта воля людей может достичь нового подъёма, может достичь новой зари. И поэтому я хотел бы заключить словами, которые звучали в ушах у меня, юного студента, когда профессор механики и машиностроения в Вене держал свою вступительную речь ректора для людей, которые в то время тоже верили в это, верили по праву, несмотря на то, что после этого пришёл пусть даже

только односторонний технический подъём, не социальный, не политический подъём. Но теперь мы находимся в некоем периоде, в котором мы, если не хотим терять надежду, конечно, можем и должны думать только о подъёме. Поэтому я говорю то, что когда тот человек сказал нам, молодым людям: „Сокурсники, в завершении я говорю, что только тот может сказать: Всегда вперёд! — кто честно ощущает вместе с развитием человечества то, что должно возникнуть из всей науки, из всей техники”.

Дискуссия

Вопрос: Что даёт нам основание, когда мы выходим за границы мышления, оставить единство (Einheit) мышления и перейти от мышления к медитации?

Рудольф Штайнер: В этом вопросе, как мне кажется, речь идёт о чём-то очень важном, что в своей цельности можно понять, разумеется, только через основательное теоретически познавательное и критически познавательное рассмотрение. Но я попытаюсь немножко указать на одно или другое, что принимается во внимание для рассмотрения этого вопроса.

Пожалуй, я могу здесь обратить внимание на последнюю главу, которую я добавил во втором издании моих «Загадок философии», где я представил ход развития философии и, кроме того, попытался показать, как философия именно в современный момент человеческого развития пришла к вопросу необходимости, исходя из себя самой, требовать этого выхода мышления за ту позицию мышления, которая наступает, когда прибыл к границам естествознания. Тогда я попытался сказать следующее:

Люди, если они подробно изучают методы познания, примерно как делал это великий физиолог *Дюбуа-Реймон*, вполне могут дойти до точки зрения, которую высказал *Дюбуа-Реймон* в своей речи

«О границах познания природы» в семидесятые годы в Лейпциге на знаменитом собрании естествоиспытателей, а также повторил в речи о «Семи загадках мира». Я лишь кратко укажу на то, что Дюбуа-Реймон тогда говорил о том, что с применением того, что здесь было названо «единым мышлением», приходят к образованию так называемого образа мыслей Лапласа, то есть, развивают такое мышление о материи, когда можно ход планет солнечной системы понять с помощью астрономически-математических методов.

Если же посредством определённого внутреннего созерцания направляешь взор на то, что протекает здесь в нас самих, если пытаешься однажды субъект превратить в объект, тогда выявляется, что это развиваемое здесь мышление можно примерно определять не только так, что оно существует для отображения какого-либо внешнего мира или комбинирования фактов некоего внешнего мира. В том, что о мышлении так думают, я могу видеть ещё последний остаток той древней теологии, того древнего учения о целесообразности, которое принципиально спрашивает не о том — «почему», но — «для чего»; которое не спрашивает, как происходит, что вся организация человека или какой-либо другой организм, некий орган, например рука, оформлены определённым образом, но как целесообразно, с определённой целью, должна была формироваться эта рука. — Это распространяется на созерцание мышления, хоть сегодня уже не осознают этого, или ещё не осознают. Спрашивают: Для чего собственно существует мышление? Это не всегда уясняют себе, но бессознательно спрашивают это. Думают, что мышление, вообще познание существует для того, чтобы определённым образом вбирать в себя внешний мир; чтобы то, что вначале существует снаружи, иметь в своём внутреннем, пусть лишь образно. Но теперь можно проследить реалистично, но конечно духовно-реалистично, чем собственно является мышление. В таком случае замечаешь, что это мышление является абсолютно реальной силой, которая формирует нас самих.

Видите ли, духовная наука, о которой я здесь говорю, не абстрактная теория, не что-то такое, что стремится быть лишь неким мировоззрением в идеях. В последнее время, я среди прочего прочитал, кроме педагогического курса, в котором я пытался применить

духовную науку к педагогике, также курс, в котором пытался, исходя из духовной науки, охватить терапевтическое медицины и показать, как из духовного исследования может падать свет на то, чего в действительности никогда не достигают полностью, когда исследуют физиологию и биологию лишь современными методами. Итак, я хотел бы сказать вам не что-то именно терапевтическое, но всё-таки, чтобы охарактеризовать методы, я хотел бы обмолвиться об одном. О том, что сегодня в обычной философии всегда ведь только *спекулируют* о связи духовно-душевного с телесно-физическим. Здесь есть всяческие теории о взаимодействии, о параллелизме и так далее, всякие материалистические толкования душевных процессов. Но в действительности всегда имеют перед собой в определённых абстракциях, с одной стороны, наблюдение духовно-душевного, с другой стороны, телесно-физического и потом спекулируют, как они оба могут прийти в связь друг с другом. Духовная наука действительно методически — но именно в том мышлении, которое здесь побуждается, — изучает, как действует духовно-душевное в телесно-физическом. И я хочу, возможно, подвергая себя некоторому непониманию, так как то, что я говорю, воспринимается как парадокс, я хочу выделить одно:

Если мы наблюдаем подрастающего ребёнка вплоть до смены зубов около семилетнего возраста, то замечаем, что осуществляется не только эта смена зубов, но что здесь претерпевает существенное изменение также конфигурация духовно-душевного.

Если же вы теперь мысленно обращаетесь к прошлому только в своей собственной жизни, исследуя ещё не методически, то обнаруживаешь, что строго очерченные мысли, которые затем утверждаются памятью и передаются в ходе жизни, что эти строго очерченные мысли, исходя из силы мышления, вначале могут образовываться в то время, когда организм выгоняет — это ведь нечто, что приходит из *всего* организма, не только из челюсти, — то, что является вторыми зубами. Проследивая методически дальше, приходишь к тому, что говоришь себе: Именно так, как в случае физических процессов какой-то род силы, возможно механическая сила, может быть преобразован в тепло, и тогда говоришь: тепло стано-

вится свободным, тепло проявляется, — так можно проследить в ходе человеческой жизни то, что в организме живёт (*leibt*) — выражение у нас совершенно утраченное — в смене зубов, и что потом освобождается, когда постепенно осуществляется смена зубов, что затем из скрытого переходит в свободное состояние, но вначале действовало внутри. Появляются вторые зубы, здесь действует определённая связь сил, система сил во внутреннем, пока не возникнут эти вторые зубы. Затем эта связь сил высвобождается, и она выявляется в своём свободном становлении как то душевно-духовное, которое потом является остро очерченными мыслями воспоминания. — Это пример того, как духовная наука фактически применяется в области, о которой сегодня не думают. Она есть продолжение естествознания. Точно такой же формой мышления является та, которую применяешь, когда говоришь о высвобождении тепла. Ту же форму, которую вначале только образовал себе, потом применяешь к человеческому развитию. И говоришь себе: То, что оказывается памятью, силой мышления, выдвигает вторые зубы — если я могу выразиться тривиально.

Здесь имеешь не философствование о связи тела и души, но здесь всецело эмпирически, как привык к этому, будучи естествоиспытателем, только с помощью более высокоразвитых методов мышления, прослеживаешь то, что сейчас доступно наблюдению. Однако духовно наблюдаема и совокупность, которую имеешь вокруг себя. Итак, приходишь до того, что о взаимодействии тела, души и духа говоришь уже не абстрактно, не расплывчато, но выявляешь, как в определённом жизненном возрасте одна сила возникает телесно и потом в другом возрасте высвобождается как духовно-душевное. И добиваешься того, чтобы с духом войти в материальность, понять эту материальность духовно. Особенностью является то, что материализм не понял именно материальность, что он собственно противостоит материи как чему-то, что для него остаётся непонятным. Материализм является именно тем, что не поняло материю. Подразумеваемая здесь духовная наука посредством своего духовного метода продвигается вперёд к пониманию материальности. И на самом деле слушателям-врачам и изучающим медицину было весьма интересно,

когда им смогли показать, как же реально добиваются того, чтобы духовно-душевное изображать действующим в телесном. Как можно изображать, что в действительности, исходя из духовной науки, функция сердца может быть понята совсем иначе, чем с помощью методов современной физиологии или биологии.

Итак, речь идёт о том, что мышление на самом деле развивается не только посредством какого-то фантастического развития, но посредством реального продвижения, которое, однако, просто должно пройти через некое граничное состояние или критическое состояние. Мышление при этом прохождении через граничное состояние как раз становится чем-то другим. Вы не можете сказать, что единство (Einheit) мышления этим как-то разрушается. Например, сила, действующая во льду, не становится чем-то, что уже не может существовать, когда лёд растворяется через таяние и превращается в воду. И сила, действующая в воде, не становится чем-то другим, когда вода проходит через точку кипения и через испарение. Так речь идёт о том, что в тот момент, который я охарактеризовал как момент развития для мышления, эта сила мышления проходит через такое граничное состояние и затем, конечно, появляется в другой форме. Так что это переживание отличается от прежнего переживания, как пар от воды. Но благодаря этому приходишь к пониманию самой силы мышления, мышления — я мог бы то же самое доказать и по поводу желания — как чего-то реально действующего в человеке. В таком случае в силе мышления, которую позже имеешь в жизни, видишь то, что действовало в теле в детском возрасте. Итак, как раз всё удивительно превращается в единство.

Я охотно соглашусь: духовная наука может ошибаться в некоторых частных вопросах. Она находится в начале своего пути. Но дело не в этом. А дело в том, в каком направлении искать. И таким образом, можно сказать: Пытаются наблюдать то, что открывается в мышлении, в том, как оно формирует человека, наблюдать как реальную усовершенствующую, оформляющую человеческий организм силу. Мышление рассматривается в его реальности. Поэтому в конце концов говоришь себе: Те, кто рассматривает мышление пока познавательного-критического так, что спрашивают только о не-

кой цели — Почему мышление таково, что оно комбинирует внешние чувственные восприятия? — они предаются определённом заблуждению. Заблуждению, которое я хотел бы вам сейчас охарактеризовать. Мы считаем, что пшеничное зерно или пшеничный колос вырастает из корешка, через стебель; проявляется формирующая растительная сила, и может формировать из семени новое растение, которое снова приходит к семени. Мы видим, что действующее здесь в растении в качестве образующей силы продолжает действовать в закрытом дальнейшем ходе в самом растении от формирования к формированию, как говорит Гёте: от метаморфозы к метаморфозе. — Так в духовной науке пытаешься проследить мышление, которое в таком случае проявляется в человеке, в качестве формирующей силы и тогда говоришь: Когда в человеке мышление является формирующей силой, осуществляется также некое побочное действие. И это побочное действие собственно является только обычным познанием. И если я хочу по этому побочному действию охарактеризовать мышление в его сущности, то я делаю совершенно то же самое, как если я говорю: Интересует ли меня то, что здесь в растении как образующая сила устремляется вверх через корень и стебель в колос? — Это меня не интересует; я исхожу из химии питания и исследую, что здесь в зерне пшеницы оказывается субстанцией питания. — Это конечно тоже оправданное рассмотрение пшеничного зерна. Можно рассматривать и так. Но когда я это делаю, тогда я не принимаю во внимание то, что в действительности в формировании растения непрерывно утекает. И так же происходит с познанием. В том, что обычно мыслят теоретики познания, философы и те, кто хочет естествознание обосновывать (*begrundlagen*) какими-либо рассмотрениями, присутствуют те же действия, которые возникают, когда мышление, стремящееся нас оформлять, проявляется наружу точно так же в некоем побочном действии, как и то, что растёт в растении пшеницы и проявляется, непрерывно продолжая мыслить, в каком-то побочном действии, между тем как это тоже есть основа для питания некоего другого существа. Но это неверно — исследовать пшеницу *лишь* по питанию. Это не имеет *никакого* отношения к существу зерна пшеницы. Здесь я приведу другую точку зрения.

Так философия сегодня заблуждается, когда она исследует познание только относительно понимания внешнего мира. Ибо существенным является то, что в человеке познание есть формирующая сила, и другое выступает как раз как побочное действие. Пока же способ рассмотрения, стремящийся ограничить мышление состоянием, в котором абстрагируются законы природы, собираются восприятия, находится именно в том положении, в каком находился бы тот, кто утверждал бы, что следует заниматься не непосредственной биологией растений, чтобы познакомиться с сущностью растения, но химией питания.

Об этих вещах сегодня не думают, но они играют большую роль в дальнейшем развитии научного будущего, того научного будущего, которое одновременно является будущим такой социальной формы, посредством которой человек при постижении социальной жизни через дух может также реально вмешиваться в социальное формообразование. Ибо мне кажется, что к катастрофе привело именно то, что мы уже не справляемся с жизнью, так как мы вступили в некое состояние развития человечества, когда жизнью необходимо овладевать из духа. Из того духа, который обнаруживается изнутри наружу и благодаря этому и познаёт то, что выступает нам навстречу во внешнем мире.

Да, с такими вещами сегодня в самых широких кругах являешься чудаком, мечтателем, во всяком случае, от такого не ожидают, что он действительно реалистично видит внешний мир. Но, однако, я полагаю, что не ошибусь, если скажу: Применение духовной науки ко всему внешнему миру может сравниться с тем случаем, когда крестьянин, увидев подковообразное железо, которое кто-то положил сюда, говорит: Этим я подкую свою лошадь. — Другой, который знает, что это такое, возражает ему: Это не подкова, это магнит; это должно служить чему-то совсем другому, здесь присутствует нечто другое. — Но крестьянин настаивает: Мне нет до этого дела, я подкую этим свою лошадь. — Такой сегодня предстаёт та научность, которая совсем не хочет соглашаться с тем, что духовное повсюду живёт в материальности. Кто отклоняет в материальности духовное, похож на того крестьянина, который говорит: Какое мне

дело до магнетизма, я железом подковываю свою лошадь. — Разумеется, я полагаю, что познание *должно* исходить из того, что во всей материальности мы можем познавать не одно только абстрактно-духовное, но конкретно-духовное; что мы должны однако затем решаться в отдельности изучать это конкретно-духовное подобно тому, как мы делаем это в материальности, и что это будет означать прогресс в познавательном и в социальном отношении для будущего.

Но легче высказать выводы спекуляций и всяческие философии по поводу того, что из спекуляции должно являться духом у пантеиста или тому подобному, нежели по примеру строгого естествознания, продолжить естественнонаучные исследования, но только доступным переживанию методом, так, как я это охарактеризовал, и затем прийти к этому, так же, как тепло, даже если оно и не проявляется, всё таки приводят к проявлению, показывая, при каких обстоятельствах обнаруживается то, что скрыто. Если этот метод, который обычно применяют к внешнему, применяешь в продвижении во внутреннее, но именно ко всему человеку, тогда, исходя из внутреннего, постигнешь в материальности именно духовное. И прежде всего постепенно исполнится то, что, по сути дела, уже с древнейших времён звучит к нам сюда, и должно быть глубокой необходимостью всё-таки исполнить ради человека то, что всё ещё звучит к нам сюда в духовные уши из храма Аполлона: „Человек, познай себя самого”. И так, как говорили об этом «Познай себя самого» философы и теологи, так об этом говорил и Геккель, учёный естествоиспытатель, склонный более или менее к материалистическому. Это «Познай себя самого» глубоко сидит в человеческой природе. И новое время достигло как раз того момента, когда это «Познай себя самого» должно выступить конкретно.

Я надеюсь, что этими указаниями я всё-таки показал, что речь идёт не о согрешении против единства мышления, но о продолжении мышления за пределы некой граничной точки.

Так же, как можно силы в воде привести к совсем другому проявлению после перехода через точку кипения, так и, выводя комбинирующее мышление за пределы граничной точки, не согресишь против того, что переживается в этом мышлении с восприятием.

Это вполне естественно, что в таком случае достигается метаморфоза мышления. Но этим не подорвёшь какое-либо единство мышления так же, как вы вообще обнаружите, что через духовную науку придёшь не к отклонению естествознания, но напротив — к более глубокому в него проникновению. Что придёшь именно к тому, что я считаю особенно важным для развития человечества — к оплодотворяющему жизнь вступлению естественнонаучного познания во всё постижение мира, которое, однако, может воздействовать только благодаря тому, что мы поднимаемся от духовного созерцания природного к чистому переживанию духовного, которое в таком случае может также излиться в наше желание и стать в нас живой силой. Так как это возможно, так как живое познание делает нас одновременно не только мудрыми, но и более искусными, поэтому я верю в будущее человека, в успех человека, если в будущем больше, чем это было до сих пор, смотреть на духовное в материальности, которое затем также может быть перенесено на социальное. Так что в будущем решение социального вопроса выявится для нас как одухотворение (*Durchgeistigung*) социальной жизни, как одухотворение тем духом, которого мы можем завоёвывать именно как продолжение естественнонаучного исследования.

Профессор док. Ф. Майер (Dr. Th. Meyer): Я полностью согласен с господином док. Штайнером в том, что граничные понятия естественнонаучного познания не являются граничными понятиями бытия и действительности. Я также с тёплым и взволнованным сердцем услышал призыв к самодисциплине, и мне радостно слышать выражение его надежд, которые немецкий народ может также иметь на будущее, несмотря на свою катастрофу. Но, однако, у меня есть некоторые сомнения в главном, обладает ли как раз способностью антропософски ориентированная духовная наука вести к новой вершине, к которой должна стремиться Германия. А именно, подразумеваемое мной сомнение заключается в следующем:

Господин док. Штайнер всё снова подчёркивал, что путь в высшие миры, о которых он говорил, достигается посредством созерцания, посредством созерцающего сознания, посредством переживания

ния, и что этот путь всецело является наукой, а не фантазией. Это внутреннее созерцание, само собой разумеется, имеет то, что обладает ясностью в логике. То есть, то, что я увидел внешним или внутренним взором, нельзя опровергнуть. Я вижу дерево, и не нужно доказывать, что дерево должно существовать. Нет метафизического доказательства для того, что очевидно, что дерево существует. Господин док. Штайнер претендует, однако, на эту очевидность для своего внутреннего созерцания. То есть, он видит высший мир и видит взаимосвязи этого высшего мира, и так как он его видит, именно поэтому этот высший мир существует; он является бесспорным. Я не хотел бы даже оспаривать, что высший мир для того, кто его созерцает, является очевидным. Только возникает вопрос, для каждого ли он очевиден, и здесь я сомневаюсь. С тех пор как мне известна антропософия, она ссылается на то, что это внутреннее созерцание, это созерцающее сознание является древнейшим, что оно же давно было дано людям, которые поднимались к вершине этого созерцающего сознания и в Индии поднялись уже давно. Поэтому антропософия и воспринимает все выражения из индийского языка. Для разных духовных познаний, которые она сообщает, ей необходимы индийские выражения. Но факт теперь заключается в том, что док. Штайнер однако же снова утверждает, что он несёт нечто новое. Но, однако, до док. Штайнера это давали все теософские общества в Германии, а также в Англии. Первоначально док. Штайнер принадлежал к этим теософским обществам, потом он пришёл к столкновению с ними и вышел. Так как он пришёл с ними к внутреннему разладу, он сейчас представил своё понимание вещей уже не под именем теософии, но именно потому, что его внутреннее созерцание отличается от внутреннего созерцания других теософов, он назвал это антропософией.

Тут я хотел бы сказать: Если прежнее созерцающее сознание ошибалось, если док. Штайнер привёл то, что нужно, то кто мне гарантирует, что теперь снова не придёт другой и скажет: Это высшее созерцающее сознание, которое принёс господин док. Штайнер, не пробилось к последней цели. Другой может прийти совсем к другой цели. Этим созерцание док. Штайнера становится субъек-

тивным. Это частное воззрение. Можно ли полагаться на то, что всё-таки сомнительно?

Таково моё сомнение, которое относительно сверхчувственного всего движения проистекает из того, что здесь существует разное внутреннее созерцание. Однако между разными созерцающими не может быть совсем никакого раздора.

Но я не хотел бы заключить, не высказав моей искренней и тёплой благодарности господину док. Штайнеру за неоднократные хорошие побуждения, которые он высказал сегодня вечером в своей речи.

Рудольф Штайнер: Прежде всего, дело в том — я хотел бы определённым образом начать с конца, — что я исправляю кое-что ошибочное. Дело не в том, что другие теософские общества со своим учением, которому я принадлежал, предшествовали тому, что я вам здесь изложил. Дело не в этом. Но в восьмидесятые годы я начал писать свою интерпретацию мировоззрения Гёте. Кто проследит это — она появилась тогда как введение к естественнонаучным сочинениям Гёте в Штутгарте в «Немецкой национальной литературе» («Deutsche National-Litteratur») Кюршнера, — тот обнаружит, что зародыш всего того, что сегодня я доложил вам, несомненно находится в тех введениях. Кроме того, вы найдёте, что в моей «Философии свободы», в первом издании 1894 года, я попытался изобразить, как постепенно благодаря развитию своего мышления человек доходит до определённой ступени; как потом к этому присоединилось то, что вводит затем рассуждающее мышление в созерцающее мышление.

Тогда, обратите внимание, наступило затем то, что примерно в 1901 году в Берлине я попросил однажды в кругу, который назывался теософским, прочитать то, что я мог бы сказать о духе. Я познакомился с разными теософами, но то, что они проявили, не могло меня собственно побудить к тому, чтобы следовать той теософской литературе с тем же вниманием, какое было принято в этом теософском обществе. Итак, я тогда прочитал именно то, что выявилось мне самому из собственного исследования. Очень скоро это привело

к тому, что через людей, прочитавших мою книгу «Мистика на заре духовной жизни нового времени», очень скоро эти доклады были переведены на английский язык и появились в английских газетах. Тогда я был приглашён читать доклады для некоторого числа людей того общества, которое как раз называлось «Теософским обществом». Я никогда не скрывал от тех, кто меня приглашал — называются ли они теперь так или иначе, — того, что я могу сказать; но я и нигде ничего другого не представлял, кроме того, что я могу говорить из собственного исследования. Также и в то время, когда я принадлежал теософскому обществу, я ничего другого не представлял, кроме того, что я могу представлять из собственного исследования.

Что позже я назвал антропософией не только то, что я высказывал, это могло бы следовать для вас из того, что в то же самое время, когда я читал доклады в теософском обществе, я и в другом кругу* не читал ничего другого, кроме именно того, что я мог читать, исходя из моего исследования. Так о своих докладах я там уведомлял — чтобы люди не могли некоторым образом находиться в заблуждении — так: «Антропософские рассматривания развития человечества». То есть, сколько времени какой-либо человек может связывать меня с теософией, столько же времени я называю своё мировоззрение «антропософией». Здесь никогда не было нарушения. Это то, что я хотел бы сейчас сказать только по поводу этого, чтобы не задерживать вас слишком долго.

Теперь, глубоко уважаемые присутствующие, как обычно говорят: Да, когда изучаешь историю философии, находишь, что философы — мы начинаем с Фалеса, поднимаясь к Эйкену (Ойкену)* или к другим, — выдвигали всевозможные воззрения и что они часто себе противоречили; и как же можно в таком случае прийти к надёжности познания? — Именно в своих «Загадках философии» я

* Цикл докладов, в целом из 27 докладов, прочитан в 1902/03 гг. в литературном круге «Die Kommenden» («Будущее»), Берлин, на тему «От Заратустры до Ницше. История развития человечества на основании мировоззрения от древнейшего восточного периода до современности, или антропософия» (запись отсутствует).

* Eucken — в разных источниках разная транскрипция (примеч. перев.).

поставил себе задачу показать, что дело обстоит *не* так. То, что у тех философов, которые имеют эти достойные имена, внешне существуют различия, происходит всегда лишь оттого, что кто-то рассматривает явления мира с *одной* точки зрения. Когда фотографируешь дерево с одной стороны, то имеешь то, что видишь на этой фотографии — одну сторону. Если фотографируешь дерево с другой стороны, то получаешь совсем другую картину — и всё-таки это то же самое дерево. Если теперь приходишь к тому, что многие действительно богатые истиной философии отличаются не просто вследствие того, что одна от другой уклоняется, так как вообще невозможно прийти к *одной* истине, но что они рассматривают одно и то же с различных точек зрения, и что внутреннее содержание протекает сквозь ход развития — я показал это в моей книге «Загадки философии», — тогда догадываешься, что это предубеждение, когда говорят, что философы противоречат себе. Конечно, есть такие, которые находятся в определённом противоречии; только это те, которые заблуждаются. Из того, что два ребёнка в одном классе решают одну задачу по-разному, нельзя говорить, что нет уверенности, кто нашёл правильное решение. Если понимаешь правильное решение, уже известно, какое является правильным. Итак, из того, что вещи различны, нельзя делать вывод, что они ложны. Это можно вывести только из внутреннего хода самих вещей. Здесь уже было бы необходимо взглянуть на внутренний ход самих вещей. И это есть некое внешнее рассмотрение, когда говорят: Штайнер вышел из теософского общества. Во-первых, я не вышел, но после того как вначале я был втянут всеми силами для доклада о моём собственном мировоззрении, отнюдь не для чего иного, я был — перед вами я, вероятно, могу употребить порой предосудительное выражение — выброшен. По той причине, что «другой род истины», а именно то безумие, привело наконец к тому, чтобы представить некоего мальчика, индийского мальчика, о котором уверяли: Это вновь явившийся Христос! — Так как я, само собой разумеется, это шутовство охарактеризовал как некую глупость, и так как тогда эта глупость по всему миру нашла тысячи и много тысяч приверженцев, эти приверженцы использовали повод меня выбросить. Мне от-

нюдь не следовало этим заниматься. Во всяком случае, я не думал, что то, чего добился через внутреннее исследование, является сомнительным только потому, что некое общество, называющееся тоже «теософским», кого-то выдвигает (*herausexpediert*), некое общество, которое здесь утверждает, что в индийском мальчике снова воплощается Христос.

Такие вещи нельзя рассматривать настолько внешне, когда просто закрывают глаза на конкретное и говорят: Да, конечно, здесь имеют место разные мнения. — Из того, что вступает, кое-что уже должно рассматриваться. И я мог бы вам это предоставить, если уж вы имеете время — но этим вы займёте много времени, если захотите заниматься всякими шарлатанствами. Я это говорю не из нескромности, но из реального знания вопроса и исходя из духовной борьбы. Сравните всякие шарлатанства, которые возникали в так называемых теософских обществах, с тем, что я с давних пор пытался породить из доброкачественной научности. И не забывайте, что я сам сегодня сказал: В частностях можно заблуждаться, но дело в том, чтобы показать некое *новое направление*; отнюдь не обязательно, чтобы во всех частностях это было абсолютно правильным. Так я хотел бы указать на то, что мне вполне представляется, что некто рассматривает прямоугольный треугольник и может сказать, что в результате он получает здесь всё возможное. Затем приходит второй и говорит: Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов двух катетов. Здесь нельзя знать достоверно, так как он ведь говорит это один, хоть в общем он может быть и прав. Нет, если кому-то из внутренних основ из созерцания математического проистекает, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов обоих катетов, то пусть миллион людей говорит, что это не так, в таком случае я это знаю и возражаю миллиону людей! Ибо истина на самом деле имеет не только внешнее обоснование соответствия, но и просто обоснование в своей внутренней субстанциональности.

Конечно, каждый может перепроверять; и я никогда ничего другого не утверждал, кроме того, что тот, кто хочет, может познакомиться с духовнонаучными методами точно так же, как он может познакомиться с методами химии. Но когда они исследованы, тогда

перепроверить методы может каждый мыслящий человек. И таким же образом то, что я говорю или что я описываю или описал, исходя из духовной науки, тоже может перепроверить каждый мыслящий человек. Здесь, возможно, будут содержаться разные ошибки, это разумеется, но точно так же это происходит и при других исследованиях. Дело не в этих ошибках в отдельности, но в основном характере целого.

Употребил ли я здесь перед вами хоть одно индийское выражение? И если иногда что-либо обозначается при использовании какого-либо древнего выражения, то это как раз технический термин, который используешь потому, что в современном словоупотреблении не существует такого выражения. Но и если я могу доказывать на доске теорему Пифагора или что-то другое, можно ли по этой причине упрекать кого-то, что это уже существовало тысячелетия тому назад? Для меня дело не в том, чтобы привести древнее индийское или тому подобное, но привести то, что вытекает из самой вещи. Как тот, кто понимает теорему Пифагора, знает, что понимает её из самой вещи, несмотря на то, что эта теорема появилась впервые в некий определённый момент времени, так сегодня что-то, конечно, должно совпадать, но в действительности всё-таки только внешне, с тем, что уже существовало. Однако я живейшим образом всегда сопротивлялся тому, чтобы то, что пытаешься здесь показать, исходя из современного момента сознания человечества, имело какое-то отношение к какой-либо древней индийской мистике или тому подобному. Само собой разумеется, созвучия присутствуют, поскольку это инстинктивное познание древних времён обнаруживало кое-что из того, что сегодня должно снова всплыть. Но подразумеваемое мной не почерпнуто из древних традиций. Оно действительно почерпнуто таким образом, что является истинным, для меня является истинным, как я однажды это изложил, когда написал в моей книге «Теософия» в первом издании 1904 года: Я не хочу сообщить ничего другого, кроме того, что я узнал через духовнонаучное исследование таким образом, как узнают какие-либо другие научные истины посредством внешнего наблюдения и комбинирующего мышления, за что я могу сам персонально вступить. — Ко-

нечно, у кого-то может быть другое восприятие. Но я ничего другого не докладываю, кроме того, за что могу вступить персонально. Я это говорю не из нескромности, но на основании того, что я хотел бы выглядеть человеком, который хочет представлять новую духовную науку, исходя не из какого другого духа, кроме как из духа современного естествознания и новой техники, и потому что я полагаю, что владеешь этим новым сознанием, именно в естественнонаучном и техническом своеобразии, только тогда, когда благодаря обоим восходишь до созерцания духа.

Я прошу мои слова не понимать так, как будто я хотел уклониться от того, что высказал уважаемый господин предыдущий оратор. Нет, я благодарен, что мне был дан повод исправить некоторые заблуждения, которые очень сильно распространились. Но существует как раз кое-что, даже очень многое, из того, что распространяется, основываясь на заблуждениях, сегодня по поводу того, что я читал десять лет тому назад тоже в Штутгарте. И мне кажется необходимым детально остановиться на высказанном, что похвально сделал и господин предыдущий оратор, так как дело не в том, чтобы только исправить касающееся меня лично, но и через историческое исправить кое-что, сведённое господином предыдущим оратором вместе с существом вопроса.

Итак, я очень благодарен, что мне была дана возможность сказать кое-что ещё из области так называемой духовной науки.

Вопрос: Если док. Штайнер докажет мне лишь один пункт духовной науки так, как можно доказать учение Пифагора, тогда я охотно последую за ним, тогда это наука.

Рудольф Штайнер: Кто действительно может доказать теорему Пифагора? Теорему Пифагора нельзя доказать тем, что я рисую на доске прямоугольный треугольник и доказательство в таком случае приводится по одному из общепринятых методов. Это лишь *наглядное объяснение* доказательства. Дело, однако, в том, что тот, кто хочет доказать теорему Пифагора, ставится перед необходимостью иметь перед собой в наглядном созерцании сконструированное математически — пусть даже только во внутреннем созерца-

нии геометрического пространственного созерцания. Итак, представьте себе сознание, которое не обладало бы этим пространственным созерцанием; оно не имело бы перед собой существенное той теоремы Пифагора. Пока не имело бы смысла доказывать теорему Пифагора. Теорему Пифагора мы можем доказать благодаря тому, что имеем перед собой существенное пространственного созерцания и пространственное изображение. В тот момент, когда мы восходим к другой форме доказательства, с этим в обычное пространственное созерцание вступает нечто другое. В таком случае речь идёт о том, что [...] * как в основе должно лежать созерцание, когда я хочу доказать, что после смены зубов действует сила мышления. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы имели некое созерцание этого; чтобы определённым образом освоиться в этой новой конфигурации сознания. Однако, до тех пор, пока не имеешь созерцания пространственного изображения, вообще не придёшь к той констатации, которая ведёт к доказательству теоремы Пифагора. И только тогда думаешь, что нельзя таким же образом доказать результаты духовнонаучного исследования, когда ещё не осуществил тот переход от обычного сознания к переживающему сознанию, который я описал.

Я исходил из того, что вначале присутствует переживающее сознание. И как тот, кто не имеет пространственного созерцания, не может говорить о теореме Пифагора, так нельзя говорить о доказательстве какого-либо положения духовной науки, если не имеешь соответствующего способа созерцания. Но этот способ созерцания есть нечто такое, что должно быть достигнуто. И наше время требует решиться на какое-то полное обновление, если хочешь как-то способствовать прогрессу науки. Я, конечно, верю, что ещё очень многое необходимо преодолеть, пока в защиту духовной науки в широких кругах не выступит то, что должно было выступить в этих

* Дословно передача стенограммы в этом месте звучит так: «как через сравнение того устранения и тому подобного, которое осуществляешь и этим как раз доказываешь то, что дано в этом созерцании. Итак, речь идёт о теореме Пифагора, если она должна быть доказана, что в основе должно лежать это созерцание».

самых широких кругах, как выступило мировоззрение Коперника в отношении всех прежних представлений, или то, что представляют себе как бесконечность пространства. Прежде представляли себе здесь вверху некую голубую сферу. Теперь представляют себе: есть границы познания природы, которые непреодолимы. Или: нельзя выйти за пределы обычного мышления. Такие вещи вполне знакомы тому, кто проследживает историю развития человечества. И я могу только сказать: Либо то, что я пытаюсь доложить, есть путь к истине — не готовая истина — тогда его всё-таки будут проходить; либо это путь к заблуждению, и тогда его будут преодолевать, но это не страшно. Но что нельзя в нас погасить, нельзя снести с лица Земли через опрометчивую критику — это постоянное стремление вверх и вперёд. И только *этим* стремлением одушевлено то, что я попытался сегодня охарактеризовать вам как путь, по которому стремится пройти антропософски ориентированная духовная наука.

Вопрос: Мы должны иметь определённую веру, что затраченный нами труд также оправдается. Возможно ли вообще познавать духовную жизнь саму по себе? Док. Штайнер говорит, что возможно познавать дух мира, дух всей жизни и всей природы и устанавливать с ним связь. Возможно ли это с нашим духом, с нашим мышлением? Я вынужден в этом сомневаться. Мышление состоит из представлений. Я мыслю образно.

Рудольф Штайнер: Если бы я детально остановился на этом вопросе, то должен был бы вас очень надолго задержать. Я этого делать не хочу и не буду. Я только сожалею, что этот вопрос не был поставлен раньше, тогда я мог бы ответить на него более основательно.

В моих сочинениях вы повсюду можете найти вещи, в которых я себе гипотетически возражаю, и которые там, кроме того, высказаны с точки зрения духовной науки, так что в литературе вы уже можете найти устранение вашего сомнения. Но здесь я мог бы сказать только следующее:

У некоторых людей происходит так, что из-за предвзятых мнений для них часто становится невозможным выходить за мир явлений.

Они указывают на явления и затем говорят: То, что лежит позади них, этого мы не узнаем. — Всё кантианство, собственно говоря, покоится на этом сомнении. И всё моё стремление было начато тем, что я пытался бороться с этим сомнением. И я хотел бы посредством сравнения разъяснить вам, как постепенно можно прийти к устранению этого сомнения.

Если кто-то рассматривает одну отдельную букву, то он может сказать: Эта отдельная буква не указывает мне ни на что иное, кроме как на её форму. И эту её форму я не могу отнести к чему-то другому, она не говорит мне ничего иного. — Когда я рассматриваю, скажем, электрическое явление — это точно так же, как если я рассматриваю одну букву: оно мне ни о чём не говорит. Но происходит несколько иначе, когда я рассматриваю рядом друг с другом много букв и получаю слово, так что благодаря этому созерцание ведёт меня к чтению. Передо мной также нет ничего другого, кроме рассматриваемого, но я продвигаюсь к смыслу. Здесь я привожусь к чему-то совсем другому. Пока я охватываю только отдельные природные явления и отдельные природные элементы — элементы в смысле математических элементов, — можно в самом деле сказать: во внутреннее не проникаешь. Но когда пытаешься затем всё привести в связь, вступить с новой деятельностью так же, как при переходе от одной только буквы к чтению, тогда возникает нечто совсем другое. Поэтому то, что стремится быть, собственно говоря, духовной наукой, является ничем иным, как феноменологией; но феноменологией, которая при этом не останавливается на рассмотрении отдельных феноменов, но стремится читать в связи феноменов. Она является феноменологией, но не грешна тем, что, спекулируя, переступает феномены, но спрашивает их, могут ли они говорить что-либо не только в деталях, но и в связи с определённой внутренней деятельностью.

Необходимо понять, что, если рассматриваешь только отдельные феномены, можно стоять на точке зрения, на которой стоял житель Галле (Haller), когда он говорил: „Сотворённый дух, к счастью, не проникает во внутреннее природы, когда она показывает ещё внешнюю оболочку”.

Но, кроме того, когда кто-то схватывает феноменологию так же, как Гёте — а духовная наука есть лишь продвинутый гётеанизм, — также понимаешь, что Гёте перед лицом этих слов жителя Галле сказал следующее:

„Во внутреннее природы” —
 О ты филистер! —
 „Не проникает сотворённый дух”.
 Мне и моим собратьям
 Вы только не напоминайте
 Такие слова:
 Мы думаем: вершина за вершиной
 И мы находимся во внутреннем.
 „Блажен! кому она показывает
 Лишь внешнюю оболочку!”
 Это я слышу повторяемым шестьдесят лет,
 Я проклиная это, но тайком;
 Говорю себе тысячекратно:
 Она всё даёт с избытком и охотно;
 Природа не имеет ни зерна,
 Ни оболочки,
 Она сразу всё;
 Испытывай себя лишь чаще,
 Являешься ли ты зерном иль оболочкой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Механический оккультизм,
мотор Кили,
техника будущего
в докладах Рудольфа Штайнера

Из ГА-93 «Легенда о Храме и Золотая легенда как символическое выражение прошлых и будущих тайн развития человека. Из содержания Эзотерической школы» (1904/06 гг.) (с. 112 и далее [«Философско-антропософское издательство» Москва 1998, с. 82 и далее])

В прошлый раз я прочитал вам выдержку из речи премьер-министра Англии Бальфура. При этом внимание было обращено на то, что определенные вещи, которые являются древнейшими оккультными познаниями, сегодня становятся физическими истинами. Если вы загляните в «Тайную доктрину» Блаватской, то найдете там такое место, где об электричестве говорится буквально то же самое, к чему теперь постепенно приходят физики. Однако то, что вы там найдете, является всего лишь предчувствием того, о чем идет дело. Дело идет о физическом атоме. Вплоть до последних четырех, пяти лет всей внешней — но не оккультной — наукой атом был неправильно понят. Его считали массой, наполняющей пространство. Сегодня начинают этот физический атом признавать тем, чем он является в действительности. Приходят к тому, что этот физический атом так относится к электрической силе, как кусок льда к воде, из которой он замерз. Когда вы представляете себе воду, которая замерзла и превратилась в лед, то и лед ведь то же является водой. Так же и физический атом есть не что иное, как замерзшее электричество. Если вы это поймете, и те сообщения, которые несколько лет назад содержались во всех научных писаниях об атоме, будете считать чепухой, то вы «будете иметь приблизительно правильное представление. Только недавно смогла физика составить представление о том, чем является физический атом. Он ведет себя, примерно, как кусок льда по отношению к воде, из которой он вымерз. Физический атом является конденсированным электричеством. Речь Бальфура я считаю чрезвычайно важной.

* В квадратных скобках примечания переводчика: русское издательство, год издания, страницы.

Это... нечто, что вышло на поверхность после 1879 года. Факт известен оккультистам уже в течении тысячелетия. Теперь начинают узнавать, что физический атом является конденсированным электричеством. Однако нужно еще узнать, чем является само электричество. Это еще не известно. Не знают одного: где искать сущность электричества? Эта сущность электричества не может быть найдена посредством каких-либо внешних экспериментов или внешнего созерцания. Тайна, которая будет найдена, заключается в том, что электричество является точно тем же, — если умеют наблюдать на определенном плане, — чем является человеческая мысль. Человеческая мысль есть та же самая сущность, что и электричество: в первом случае наблюдаемая изнутри, а во втором — извне.

Кто знает, чем является электричество, тот знает, что в нем живет нечто, что в замерзшем состоянии образует атом. Тут вы имеете мост от человеческой мысли к атому. Люди узнают, что строительные камни физического мира — это маленькие конденсированные монады, конденсированное электричество. В тот миг, когда люди познают элементарнейшую оккультную истину о мысли, электричестве и атоме, в тот миг они познают нечто, что будет самым значительным для будущего и для всей шестой подрасы. Они смогут строить из атомов посредством силы мышления.

Это будет духовное течение, которое нужно вновь влить в формы, создаваемые на протяжении тысячелетий. Однако, так как человеческая раса должна была проделать развитие рассудка и отвлечься от собственной внутренней работы, эти формы стали оболочками, хотя и сохранились в виде форм, и нужно будет влить в них истинное познание.

Оккультный исследователь добивается истины с одной стороны, а физический исследователь — с другой стороны. Как масонство вышло из каменщичества, из строительства соборов и храмов, так в будущем надо будет строить из мельчайшего строительного материала, из конденсированных масс электричества. Для этого будет необходимо новое каменщичество. Индустрия тогда не сможет так развиваться, как теперя. Она станет хаотичной, и сможет работать

только на чистую борьбу за существование. Тогда станет возможным, что кто-нибудь будет ехать в Берлине в коляске, тогда как в Москве произойдет беда, которую он вызвал в Берлине. И никто не будет иметь представления о том, что этот человек вызвал ее. Беспроволочный телеграф является началом этого. То, о чем я говорил, является будущим. Имеются только две возможности: или дела будут идти хаотическим образом дальше — так, как они до сих пор шли в индустрии и технике. Тогда это приведет к тому, что тот, кто обладает этими вещами, сможет принести большое несчастье. Или это будет отлито в моральную форму масонства.*

(с. 118 и сл. [Там же, с. 86 и след.])

Теперь мы живем в рунде, которую можно назвать минеральной. И нашей задачей в ней является пронизать весь минеральный мир нашим собственным духом. Попробуйте понять это. Вы строите дом. Вы берете камни из какой-либо каменоломни. Вы так обрабатываете их, что они вкладываются в постройку и т.д. Что вы соединяете с сырым материалом, который берете из минерального царства? Вы соединяете сырой материал с человеческим духом. Когда вы строите машину, то вы вкладываете ваш дух в машину. Отдельная машина, разрушаясь, превращается в пыль. От нее не остается никакого следа. Однако то, что она сделала, не пропадает без следа, но проникает вплоть до атомов. Каждый атом несет след вашего духа и будет продолжать нести этот след. Небезразлично, был ли определенный атом в какой-либо машине, или нет. Посредством того, что атом побывал в машине, атом изменился. И это изменение, которое вы внесли в атом таким образом, никогда не теряется для него. Далее, посредством того, что вы изменили атом, свя-

* Последнее предложение имеет следующий вид в записках Марии Штайнер-фон Сиверс: „Или эти вещи будут продолжать идти хаотически, как до сих пор шли индустрия и техника, или гармонично, как это является целью масонства, тогда будет достигнуто высшее развитие”.

зали ваш дух с минеральным миром, вы на всеобщее сознание отпечатали непреходящий штампель. Именно столько берем мы с собой в иной мир.

Из GA-53 «Происхождение и цель человека. Основы духовной науки» (1904/05 гг.) (с. 295)

Сегодня мы действительно находимся в некоей поворотной точке. Великие достижения исследования природы показали нам, что, с одной стороны, материалистическое воззрение принесло высочайшие плоды, что дарвинизм и материализм вдаются в наше время, и мы обязаны им великим культурным прогрессом; но что, с другой стороны, проявляются также течения, которые подготавливают будущее. Новые идеалы всплывают именно в самых выдающихся умах. Эти умы, которые указывают на отдалённое будущее, правда, не являются так называемыми практическими умами, но и мировая история движется иначе, чем это представляют себе практики. Я уже прежде указывал на одну колонну идеализма, на Толстого. Но сегодня я хотел бы указать ещё на один западный ум, на Кили*, великого механика, который, однако, поведёт нас уже дальше, хотя сегодня со своей механической идеей он ещё не смог предложить ничего практического. С этим связаны вопросы, которые материалисту кажутся фантастическими.

Из GA-93 «Легенда о Храме и Золотая легенда как символическое выражение прошлых и будущих тайн развития человека. Из содержания Эзотерической школы» (1904/06 гг.) (с. 286 [«Философско-антропософское издательство» Москва 1998, с. 217 и след.])

* Кили (John Worell Killy), 1827-1898. Американский инженер, изобретатель так называемого мотора Кили. См. о нём GA 186.

Я еще раз хочу обратиться к замечанию, которым я закончил в прошлый раз.^{**} Я вам рассказал, к чему ведет столь сильное овладение неживой природой. На одном примере и без особой фантазии можно представить себе, о чем идет речь: беспроводный телеграф действует на больших расстояниях от места передачи. При желании можно привести в движение аппарат, вызвав воздействия на больших расстояниях, и таким образом достичь связи. Сила, подобная действующей в беспроводном телеграфе, позже будет в распоряжении человека и без аппарата; это даст ему возможность производить сильные разрушения на больших расстояниях так, что не смогут найти источник этих разрушений. Достигнув апогея, это развитие опрокинет само себя.

То, что выражается посредством «тау», является движущей силой, которая может быть приведена в движение только силой бескорыстной любви. Станет возможным применять ее для приведения в движение машин, которые, однако, останутся стоять неподвижными, если их будут обслуживать эгоистичные люди.

Может быть, вам известно, что Кили сконструировал двигатель, работающий только в его присутствии. Он делал это не для других людей, так как он в самом себе имел движущую силу, которая исходит из душевного и может привести в движение механическое.^{***}

^{**} Имеется в виду лекция от 28 декабря 1905 г.: „Позвольте рассмотрения прошедшего года закончить указанием, однажды уже сделанным мной (см. лекции за декабрь 1904 г. в этом издании). Много разрушительных дел совершается вокруг нас, что могло бы указать внимательному наблюдателю, даже если он не является ясновидящим, что мы находимся в начале большой разрушительной работы, по отношению к внешнему материальному, которое развилось в прошедшем столетии, ибо материальное развитие доходит только до определенного пункта”.

^{***} Американец Джон Кили во второй половине XIX века создал само-мотор, так называемый мотор Кили. Об этом эксперименте пишет Е.П.Блаватская в «Тайной доктрине» I т., ч. IX («Грядущая сила»). Р. Штайнер 20 июня 1916 в Берлине в лекции «Мировые существа и Я» (GA 169), говорит об этом: „Это был еще идеал. И благодарение Богу, что тогда это было еще идеалом, ибо чем стала бы эта война, если бы этот идеал Кили осуществился бы тогда”. См. также лекцию от 1 декабря 1918 г. в Дорнахе «Основное социальное требование нашего времени. — В измененной ситуации времени» (GA 186).

Движущая сила, которая может быть только моральной — вот идея будущего; это важнейшая сила, которая должна быть привита культуре, чтобы она не опрокинула сама себя. Механическое и моральное проникнут друг в друга, ибо в то время механическое без морального будет ничем. Сегодня мы стоим вплотную перед этой чертой. Не просто водой и паром, а спиритуальной силой, спиритуальной моралью будут приводиться в движение машины в будущем. Эта сила символизирована в знаке «тау» и была поэтически выражена посредством образа Святого Грааля. Подобно тому, как человек уже больше не предназначен только, чтобы использовать добровольные дары природы, а формирует и преобразует природу, как он стал строителем неживого, так он станет строителем живого.

Из GA-97 «Христианская мистерия» (1906/07 гг.) (с. 40 и сл.)

Существовал определённый символ — пожертвование воды. Жрец мудрости использовал воду в качестве символа. Есть некий закон, согласно которому человек через алкоголь изолируется от высшего духовного мира. Если человек стремится вживаться в духовные миры, ему нельзя пить никакое вино, даже никакое жертвенное вино.

Через брак в Кане характеризуется миссия христианства. Древняя жреческая мудрость обладала самым возвышенным духовным учением, которое было дано из глубочайшего познания. Но древняя языческая культура не имела одного — владения физическим миром. Инструменты были ещё крайне примитивны, вся внешняя культура была примитивной. Люди ещё не имели связи с тем, что должно было происходить непосредственно здесь внизу на Земле. Чтобы человек учился теперь овладевать Землёй, его необходимо было ограничить физическим. Он должен был стать сильным и освятить низшего человека.

Подготавливается эта культура великими учителями, которые указывают на значение физического плана. Египетское искусство является великим при его духовном восприятии, но не в виде изображения на физическом плане. Всё греческое искусство является

стягиванием человека на физический план. Во всяком случае, римское право есть нечто, что направляет человека вниз на физический план. В связи со всем этим находится служение Дионису. Представитель вина даже представляется как бог. Введение вина в развитие человечества представлено в некоей возвышенной форме в рассказе о браке в Кане в Галилее. Речь идёт о том, чтобы в самом деле показать, что вода стоит выше, чем вино. Человека должны были привести вниз на физический план, поэтому вода и преобразовывалась в вино.

Сегодня мы всей своей организацией спустились на физический план. Если же на физическом плане рядом с культурой не шествует моральная культура, то физические достижения действуют разрушающе. Развивая моральность, человек может создать совсем другие силы, нежели те, которые существуют сейчас на физическом плане. *Кили* приводил свой мотор в движение посредством колебаний, которые он возбуждал в собственном организме. Такие колебания связаны с моральной природой человека. Это первый утренний луч того, что обнаружится как техника будущего. В будущем мы будем иметь машины, которые только тогда будут приводить в движение, когда от человека исходят силы, являющиеся моральными. Аморальные люди не смогут приводить в движение такие машины. Чисто механический механизм должен преобразоваться в моральный механизм.

Духовнонаучное мировоззрение подготавливает это восхождение. Христианство должно было вначале направить людей вниз. Теперь христианство снова должно вести человечество вверх. Вино должно снова преобразоваться в воду.

Взор Иоанна превышает физическую действительность. Стало быть, то, что сделал Господь, его миссия, предстало апостолу Иоанну в образе брака в Кане в Галилее. В таком роде следует понимать двенадцать первых глав Евангелия от Иоанна. Здесь не сказано, что его призвала Мария, но Матерь Иисуса. Здесь мы имеем дело с мистическим способом выражения. Под словом «Матерь» все мистики понимают то, что должно быть оплодотворено, когда человек восходит на более высокую ступень. Иисус должен

был привести на более высокую ступень всё существовавшее до сих пор сознание человечества. Всё сознание человечества просит Иисуса продвинуть его дальше на одну ступень. Поэтому Иисус мог сказать: „Жено, что я должен создать с тобой?“ – Своей матери Иисус не сказал бы этого.

На третий день была свадьба. Это значит, что в течение трёх дней Иоанн находился в посвятельном сне. Тогда произошло видение брака в Кане в Галилее. Во время трёхдневного сна он испытал то, что происходит в духовном мире. На третий день он пережил видение свадьбы в Кане. Всё последующее суть события, которые он созерцает в астральном видении.

Из GA-130 (с. 95 и сл. [Лекция из GA 130 «Эфиризация крови», издательство «Антропософия», Москва 1994, с. 17-18])

В ходе нашего земного послепластического становления свет разрушается. До Атлантиды земной процесс эволюционировал, но с тех пор он стал распадающимся. Что такое свет? Он распадается, и распавшийся свет есть электричество. То, что нам известно как электричество, есть свет, который сам себя разрушает в материи. А химическая сила, претерпевающая превращение в процессе земного развития, есть магнетизм. Появится ещё третья сила. И если сегодня людям кажется чудодейственным электричество, то эта третья сила ещё более разительным образом повлияет на культуру. И чем больше мы будем применять эту силу, тем скорее Земля будет становиться трупом, а духовная сущность Земли переходить к Юпитеру. Эти силы должны быть применены для разрушения Земли, с тем чтобы человек освободился от нее и земное тело отпало. Пока Земля находилась в процессе эволюции, этого не делали, ибо только распадающаяся Земля может пользоваться великим культурным достижением — электричеством. Как бы странно это нынче ни звучало, но это должно быть постепенно высказано. Мы должны понять процесс развития, научиться правильно оценивать нашу культуру, научиться понимать необходимость разрушения Земли,

— в противном случае дух не станет свободным. Но одновременно люди научатся ценить и положительное: проникновение духовных сил в наше земное бытие.

Так мы видим огромное, величественное достижение уже в том, что Христу было необходимо в течение трех лет странствовать в хорошо подготовленном теле, так что он мог быть созерцаем физическим зрением. Благодаря всему происшедшему за эти три года, люди созрели для восприятия того Христа, который будет являться в эфирном теле и который так же реально и действенно будет входить в земную жизнь, как это было с физическим Христом во время палестинских событий. Люди будут знать, что если они рассматривают такие вещи с помощью здоровых чувств, то они повсюду в физическом мире находят Христа, странствующего в эфирном теле. И люди будут также знать, что только эфирное тело Христа может действовать в физическом мире так, как обычно действует физическое человеческое тело. Это эфирное тело будет, однако, отличаться от физического тем, что оно сможет, так сказать, одновременно пребывать в двух, трех, а то и в ста, и в тысяче местах, на что способна только эфирная, но не физическая форма. В ближайшие тысячелетия человечество в ходе такого развития все больше будет учиться воспринимать в мире эфирного Христа. Благодаря этому два полюса, о которых я уже говорил, интеллектуальный полюс и моральный полюс, все больше и больше будут соединяться, сплавляться в единое целое. Люди будут все больше проникаться даже и днем непосредственным воздействием добра из духовных миров. Тогда как теперь воля днем спит, и человек по сути может действовать лишь косвенно, через представление, в продолжение последующих тысячелетий будет все больше происходить так, что, начиная с наших дней, силы, действующие в нас и находящиеся под влиянием Христа, будут совершенствовать деятельность человека также и в дневное время.

(с. 102 и сл. [Гам же, с. 22-23.])

Вопрос: Что такое химические силы и вещества по отношению к духовному миру?

Ответ: В мире существует множество веществ, которые поддаются соединению и разделению. То, что мы называем химизмом, — явление, проецируемое в физический мир из мира Девахана, из гармонии сфер. Так что в соединении двух веществ по их атомному весу мы имеем отражение двух тонов гармонии сфер. Химическое сродство двух веществ в физическом мире есть отражение мира гармонии сфер. Химические числовые соотношения являются действительно выражением числовых соотношений гармонии сфер. Эта гармония сфер стала неслышима вследствие уплотнения материи. Если бы можно было фактически довести вещества до эфирной тонкости и воспринять атомные числа как внутренне образующий принцип, то можно было бы услышать гармонию сфер. Существуют физический мир, астральный мир, низший Девахан и высший Девахан. Если мы вытесним какое-либо тело ниже физического мира, оно вступит в подфизический мир, в подастральный мир, в низший злой Девахан и в верхний злой Девахан. Дурной астральный мир есть область Люцифера, злой низший Девахан — область Аримана, а злой верхний Девахан область Азуров. Когда химизм проталкивают ниже физического плана, в злой низший деваханический мир, возникает магнетизм; если же свет проталкивают в мир ниже материального, то есть в мир, стоящий па одну ступень ниже материального, возникает электричество. Если же то, что живет в гармонии сфер, толкают еще ниже вплоть до Азурои, тогда возникает еще более страшная сила, которая недолго будет оставаться тайной. Нужно только пожелать того, чтобы, когда появится эта сила, которую мы должны себе представлять гораздо, гораздо сильнее самых сильных электрических разрядов, и которая все-таки возникнет, — тогда нужно пожелать, чтобы, прежде чем какой-либо изобретатель вооружит человечество этой силой, люди уже не имели бы в себе ничего аморального.

Вопрос: Что такое электричество?

Ответ: Электричество есть свет в состоянии ниже материального. В этом состоянии свет страшнейшим образом спрессован. Свету нужно приписать также некое внутреннее содержание, он в каждой

точке есть свет. Тепло может распространяться в трех направлениях пространства, в отношении же света мы должны говорить о четвертом измерении; в качестве четвертого измерения и служит его внутреннее содержание.

Из ГА-14 «Драмы-Мистерии» (с. 278 и сл., [Издательство «Энигма», Москва 2004, с. 336-338])

Штрадер

Здесь только что с надеждой говорили
 О том, чего достичь мне удалось.
 Хотя доселе мост и не построен
 Меж практикой и опытом моим,
 Но опыт мой, по мнению экспертов,
 Технически вполне осуществим.
 Изобретатель просит разрешенья
 Свободно высказать свое сужденье
 О том, что он достигнуть смог.

Присутствующих просит он простить,
 Коль речь его покажется нескромной.
 В ней выразить хочу я только чувства,
 Способствовавшие моим успехам.

Все больше труд в развитии земном,
 Освобождаясь от души и чувства,
 Становится бездушным и сухим,
 Чем ревностней старается наш дух
 Господствовать над чувственным бытием.
 И механичней с каждым новым днем
 Работа, создающая блага,
 А вместе с ней и вся земная жизнь.

Изобрели не мало уж вещей,
Которые способствовать могли бы
Тому, чтоб техники холодной ритм
Не удушал души людской порывов,
А также Духа истинных стремлений.

Но от попыток этих толку мало:
Не разрешен по-прежнему вопрос —
Как должно людям к людям относиться?
И я немало времени потратил,
Над этою загадкой размышляя;
Но мне мои раздумья никогда
Не приносили должного плода.
И уж склонялся к горькому я мнению,
Что все победы в сфере вещества
По предопределению судьбы
Духовному развитию враждебны.

Тогда меня спасла как бы случайность
От хаоса бесплодных размышлений.

Эксперименты как-то я предпринял,
Далекие от всех таких вопросов.
И вдруг в душе внезапно зародились
Идеи, мне открывшие дорогу.

Я опытов без счету произвел
И, наконец, такие результаты
В лаборатории я получил,
Которые при полной разработке
Технически свободу обеспечат,
Столь нужную душевному развитию.
Уж заставлять людей не надо будет
На фабриках, иль в тесных мастерских
Влачить быт, достойное растений:

Так силы техники распределятся,
 Что каждый сможет пользоваться всем,
 Необходимым для его труда,
 Не покидая собственного дома.

И вот делюсь я этою надеждой,
 С тем, чтобы вы вполне уразумели
 То, что я должен на призыв ответить,
 С которым розенкрейцеры теперь
 К непосвященным людям обратились.
 Когда вполне все души разовьются
 И собственную суть свою познают,
 Тогда прекрасно расцветут порывы,
 Что к духу дух извечно устремляют.
 А потому, кто верно мыслит, тот
 Легко заметит, что такой призыв
 И знаменьям эпохи отвечает.
 Богатый клад желает этот Орден
 В распоряжение наше предоставить
 Затем, что людям этот клад потребен.

[Там же, с. 344]

Доктор Штрадер

За то меня корили, что я думал,
 Что хорошо совместно провести
 С мистическим союзом дело то,
 Которое свершить сумел Томазий.
 Один из говоривших был подавлен
 Моим возреньем: — Мистика опасна
 В исследованье истинном души.
 Но мистика всего понятней мне,
 Когда соединяюсь я вполне

С природой механизма своего,
 Который я сумел изобрести.
 И этот труд, которым занят я,
 Мне истинность святилищ доказал.

Работая, я часто размышлял:
 Что мог бы значить я для тех людей,
 Которым интересны только силы,
 Что в механизм свой я вложить сумел,
 В отличие от тех, кому с любовью
 Могу раскрыть все существо свое?

Благодаря подобным мыслям, я
 Сумел познать в их истинной природе
 Ученья, исходящие от мистов.
 Известно и без посвященья мне,
 Что в их святилищах с любовью боги
 Душе людской себя раскрыть стремятся.

[Там же, с. 414]

Ариман (слышимый только Штрадеру)

И все ж не знаешь, в слепоте какой
 Стремисься с гордой силой ты во тьму.
 Она поможет, Штрадер, в том труде,
 Который ты свершил моею силой.
 Для этого не надо веры в Дух,
 Несовместимой с гордостью ее.

Фридрих Гейст

Путь мистики, поистине, прекрасен!
 И в будущем не буду я лениться,

И целиком той мудрости отдамся,
 Что я из Храма их извлечь смогу.

Михаил Эдельман

Я жаждой правды к свету устремлен,
 И это благородное ученье,
 Что жизнь людей так ярко озарило,
 Найдет во мне ученика и друга.

Георгий Вармунд

Бывал всегда захвачен глубоко
 Я мистики сокровищем духовным,
 Его испив из многих родников.
 Искать его и впредь всем сердцем буду.

Ариман (слышимый только Штрадеру)

Намеренье благое, но оно
 Лишь в верхнем слое их душевной жизни.
 И кладом тем, что в глубине духовной
 Они хранят, богатств не созная,
 Еще смогу я пользоваться долго.
 Так для меня пригодны и они,
 Чтоб с гордой силой Штрадера деянье
 Развить в существовании земном.

Следующий отрывок из «Драмм-Мистерий» ответственный редактор русского издания счёл нужным не включать в данный перевод тетради и разместить лишь ссылку на этот большой отрывок в книге издательства «Энигма» [Гам же, с. 422-439]; в оригинальном немецком тексте в Полном собрании трудов Рудольфа Штейнера издания 1998 года — это страницы с 375-й по 394-ю.

Из ГА-169 «Существование мира и собственная личность»
 (1916 г.) (с. 67 и след.)

Мы уже должны действительно понимать то, что существует в реальности, не усаживаться (hinbrüten) в ту механическую жизнь, в которую уселся сегодняшний материализм. Если вы ищете сегодня колонну Яким, то вы имеете её в нашей современности, колонна Яким существует в одном очень значительном человеке, которого сейчас уже нет в живых, который уже умер, но она существует: она существует в толстовстве.

Обдумайте, что в Толстом выступил человек, который, собственно говоря, стремился всех людей увести от внешней жизни, стремился целиком отослать во внутреннее — в первый период нашего антропософского движения я говорил о Толстом, — который стремился полностью отослать к тому, что происходит только в глубине души человека. Итак, Толстой не видел дух во внешних действиях: для меня особенно характерно обнаружилась некая односторонность, когда я говорил о Толстом в то время — это был один из самых первых докладов первоначальных лет, которые были прочитаны здесь. Тогда Толстой через дружественную нам сторону ещё смог высказать своё мнение об этом докладе. Толстой понял первые две трети, последнюю треть — уже нет, так как здесь было сказано о реинкарнации и карме; этого он не понял. — Он представлял собой односторонность, полный отход от внешней жизни. И как бесконечно обидно это чувствовать, что он представляет собой такую односторонность! Представляешь себе чудовищный контраст, который существует здесь между воззрениями Толстого, которыми захвачена большая часть интеллигенции России, и тем, что теперь в эти дни снова доносится оттуда. О, это один из самых ужасных контрастов, которые только можно помыслить! Это односторонность.

Другая, колонна Боас, также исторически проявилась в наше время. Она точно так же представляет собой односторонность. Это поиск духовности только во внешнем мире. Несколько десятилетий тому назад это выступило по ту сторону, в Америке, когда про-

явился, я бы сказал, антипод Толстого в *Кили*, перед душой которого возник идеал сконструировать мотор, который движется не посредством пара, не с помощью электричества, но с помощью тех волн, которые сам человек побуждает своим звуком, своей речью. Представьте себе мотор, который устроен так, что приводится в движение посредством тех волн, которые возбуждают, когда говорят, или как человек вообще может возбуждать своей душевной жизнью. Это был пока идеал; слава Богу, что тогда это был некий идеал, ибо чем стала бы эта война, если бы этот идеал *Кили* тогда действительно осуществился! Если однажды это осуществится, лишь тогда увидишь, что означает совпадение колебаний во внешней моторной силе. Это другая односторонность. Это колонна Боас. Пройти необходимо между обоими.

В символах, которые сохранены, содержится очень многое. Наше время призвано к тому, чтобы понять эти вещи, проникнуть в эти вещи. Контраст, который ощущается между всем истинно духовным и тем, что проберётся (*heranwälzen*) сюда с Запада, когда мотор *Кили* станет реальностью, будет совсем другим контрастом, чем тот, который существует между воззрениями Толстого и тем, что пробирается с Востока. О, об этом дальше уже нельзя говорить!

Но необходимо, чтобы мы постепенно чуточку углублялись в тайны хода развития человечества, чтобы увидеть, как реально в человеческой мудрости сквозь тысячелетия символически или иначе выражено то, что однажды на разных ступенях становится реальностью.

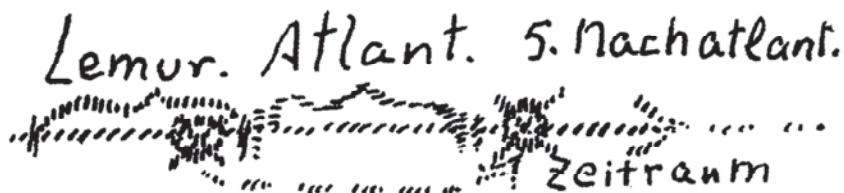
Из GA-171 «Внутренние импульсы развития человечества. Гёте и кризис XIX столетия». Космическая и человеческая история, том II. (1916 г.) (с. 215 и далее)

Теперь очень кратко бросим взгляд на событие лемурийской эпохи. Тогда в развитии был определённый момент, который миновал уже тысячи и тысячи лет назад, когда человечество Земли было ещё совсем другим, чем сегодня. Из того, как я описал в «Очерке тай-

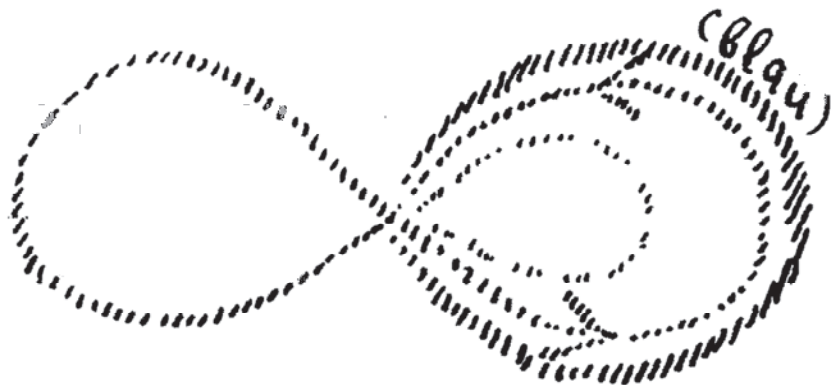
поведения» это развитие человечества на Земле, вы знаете, как в человечество постепенно входят импульсы. Был один момент в развитии, когда во внутреннем человека, исходя из космоса, закрепилось то, что сегодня мы знаем как магнитные и в особенности как электрические силы. Ибо в нас таинственным способом живут также магнитные и электрические силы. До этого времени, в лемурийском периоде, человек жил на Земле ещё без магнитных и электрических сил, которые духовно развиваются в его нервной системе между действиями нервов и действиями крови. В это время к нему были присоединены эти силы. Мы не будем принимать во внимание магнитные силы, также мы не будем принимать во внимание и определённую часть электрических сил. Благодаря тому, что эти силы, которые я хочу охарактеризовать как электрические силы в гальванизме, в вольтаизме (im Voltaismus) и так далее, то есть те силы, которые сегодня так глубоко вмешиваются в культуру, в глубокой древности жили в человеческом организме, были связаны с человеческой жизнью, благодаря этому эти силы долгое время могли оставаться неизвестными человеческому сознанию. Человек не знает их во внутреннем, но внешне они оставались ему неизвестны. Итак, магнитные силы и другие электрические силы, кроме гальванизма и вольтаизма, мы узнали уже раньше. Ибо гальванизм, контактное электричество, которое больше, чем сегодня предполагают, впечатлело извне нашей эпохе её карму, его обнаружили, как вы знаете, только на рубеже XVIII – XIX столетий благодаря Гальвани и Вольту. О таких вещах обычно слишком мало размышляют. Представьте-ка, этот Гальвани препарировал бедро лягушки. Благодаря тому, что он её, как сказано, прикрепил к окну, и бедро лягушки случайно соприкоснулось с железом – оно вздрогнуло. Это и есть начало всех открытий, всех изобретений, которые сегодня господствуют над нашей Землёй благодаря электрическому току! Это существует лишь с недавнего времени. Обычно не задумываются: Как же это происходит, что человечество раньше ничего такого не знало? – Внезапно совсем удивительным образом в человеке всплывает эта мысль; он, этот человек, наталкивается на эту мысль. Наша материалистическая эпоха, конечно, не размышляет о

таких вещах. А поэтому наша материалистическая эпоха ровным счётом ничего научно не понимает об истинном становлении мира. Истина же такова.

После того как человечество пережило момент времени в лемурийский период, когда оно в своём внутреннем само укоренило те силы, или когда оно сохранило укоренившиеся силы, которые сего-

дня в электричестве проходят через провод и которые невидимым образом действуют на человека, — после того как миновала эта эпоха, электричество до известной степени жило во внутреннем человека. Только развитие продвигается вперёд не так, как показывают это мимоходом — таким простым штрихом. Думают лишь, что время идёт вперёд так, что истекает в бесконечность. Но это абсолютно абстрактное представление. В действительности время идёт так, что, продвигаясь дальше, развитие снова поворачивается и течёт обратно. Эти движения по лемнискате происходят не только в пространстве, но и во времени.

Здесь человечество было во время лемурийского периода (точка пересечения движения лемнискаты, см. рис.), когда оно укоренило в себе самом электрический силовой принцип. Этот путь (синее) оно прошло в атлантическом периоде и в послеплатантическом периоде на рубеже XVIII – XIX столетий пришло относительно определённых сил в точку, в ту же самую точку в развитии мира, в которой оно было в древнем лемурийском периоде, когда оно само себе насадило из космоса электрический принцип. И в этом причина, что Гальвани тогда обнаружил электричество! В более поздние периоды люди всё снова возвращаются к тому, что было пережито уже раньше; вся жизнь осуществляется циклично, ритмически. Мы как человечество действительно определённым образом в середине материалистического периода, который развивался с XIV – XV столетия, находились в той точке во вселенной, которую мы когда-то прошли во время лемурийского периода. И всё человечество тогда вспомнило о внедрении электричества в человека, и отсюда через это воспоминание человечество пропитало культуру электрическим принципом. То, что живёт в человеке как душа и дух, снова обнаружило то, что было когда-то пережито. Такие истины человечество снова должно будет уяснить, ибо только с этими истинами избежишь деградации будущего.

Под влиянием тех инспираций, о которых я сегодня говорил, определённые умы приходили к таким истинам. Всё-таки то, что люди совершают такие пути, это вызывается как раз тем, что господствуют разные течения. Если бы господствовало, например, лишь то, чего хотели тамплиеры, то было бы проделано другое развитие. Но вследствие того, что был примешан другой поток, мефистофельский поток — он тоже существовал изначально, но был возрождён через судьбу тамплиеров — вследствие этого человечество было внесено в материализм именно в то время, когда оно и было внесено. В развитии человечества эти мефистофельски-ариманические силы необходимы. И я говорил: Определённые умы через инспирацию, приходящую от розенкрейцерского принципа тамплиеров, идущую из духовного мира, приводятся к тому, чтобы познать этот принцип, который я здесь подразумеваю.

И только не думайте, что великий поэт, действительно великий поэт, который творит, исходя из духовного мира, так располагает свои слова, что эти слова можно принимать поверхностно, как сегодня порой думают люди! Нет, такой поэт, как например Гёте, знал, что заключено в слове, знал, что словом дано нечто, что несёт человека и вместе с человеком несёт дух, и позволяет через человеческую личность звучать духу. Личность? — Здесь вспоминается: лично, собственной персоной! «Лично» — это слово, которое возникло из греческого наименования маски, которую носил актёр и через которую звучал его голос: личное (personare) означает звучать. Это всё глубоко связано с дальнейшим развитием слова: „Изначально было Слово, и Слово было у Бога и Божественное было Словом”. — Слово было не у человека; однако с этим связана человеческая личность.

Но всё развитие продолжается благодаря тому, что действуют не только добрые силы, но и другие. И такой человек как Гёте именно в таком поэтическом произведении, как поэтическое произведение о Фаусте, высказал, пусть отчасти и бессознательно, но под инспирацией, глубочайшие, значительнейшие великие истины. Там, где в «Прологе на небесах» Господь ведёт разговор с Мефистофелем, Господь в конце концов говорит Мефистофелю, что он не имеет ничего против его действий. Он признаёт этого Мефистофеля-Аримана, потому что он должен присутствовать в мировом развитии. Через него должно происходить то, что, говоря словами Гёте, „как бес, дразня его, пусть побуждает к делу!”. Но в таком случае Господь отвращает от него свой голос и направляет Слово к «подлинным сынам божьим», которые продвигают вперёд нормальное развитие, и с которыми взаимодействуют другие потоки развития. И что же говорит Господь этим подлинным сынам божьим?

Вы же, подлинные сыны божьи,
 Радуйтесь живым щедрым красотам!
 Будущее, которое вечно живёт и действует,
 С любовью охватывает вас милыми пределами,
 А что витает в неустойчивом явлении,
 Укрепите постоянными мыслями!

Господь прямо даёт приказ своим сынам, что они должны насадить повсюду в мире постоянные мысли! Такая постоянная мысль насаждается в мир, когда людям прививают электрический принцип, и человечество снова приводят к постоянной мысли, когда оно обнаружило электрический принцип и привило его материалистической культуре.

Мысль необычайной глубины такова:
 Будущее, которое вечно живёт и действует,
 С любовью охватывает вас милыми пределами,
 А что витает в неустойчивом явлении,
 Укрепите постоянными мыслями!

И глубокое ощущение охватывает нашу душу, когда постоянными мыслями действует на нас мистерия; ибо тогда мы чувствуем, как в мире вечное находится тут и там в качестве постоянных мыслей, что мы принадлежим миру движения и что мы проходим через то, что ставится на место «неустойчивого явления» как постоянные мысли, как вечно живущее и действующее прекрасное, которое открывается, чтобы мы восприняли его в подходящее мгновение.

Так пусть же подходящее для человечества мгновение придёт в ближайшем будущем, как это ему предопределено, если оно не хочет прийти к упадку. Пусть человечество поймёт, что оно должно перейти через следующую точку, которая снова поднимает материализм к его противоположности, должно перейти через точку, где в человечество могут излучаться великие мысли духовного мира, к которым оно стремится подготовиться в тех своих личностях, которые уже сегодня благодаря их карме могут прийти к духовной науке. Необходимо указать на то, что и в материалистическую эпоху, признающую постоянную мысль, которая была внесена в современное развитие последним способом Аримана-Мефистофеля, должно быть добавлено то, что смогут понять при прохождении через спиритуальную постоянную мысль — необходимо указать на это, и, чтобы человечество не упустило возможность понять эту спиритуальную мысль, будут существовать всё снова возвращающиеся задачи духовнонаучного воздействия и стремления. Поэтому

необходимо всё снова и снова неустанно напоминать о том, что человечеству нельзя упустить момент постижения духовной науки.

Из GA-172 «Карма профессии человека, исходя из жизни Гёте». Космическая и человеческая история, том III. (1916 г.) (с. 91 и далее)

Вы лучше всего поймёте то, что я подразумеваю, если рассмотрите это в специальной области, ибо во всех этих вещах мы находимся сегодня в начале развития, которое однако, я бы сказал, стоит непосредственно перед воротами. Некоторые люди начали кое-что из этого предчувствовать. Если бы что-то предчувствовали и переносили это в действительность, не переходя одновременно к духовно-научным стремлениям, то самым ужасным было бы то, что могло бы произойти с Землёй. Что вступило главным образом в ходе четвёртого послееатлантического периода, так это то, что человек, прежде всего, был отделён от внешнего неорганического мира, который он воплощает своими инструментами. Он снова будет сведён с тем, что он воплощает своими инструментами. Сегодня конструируются машины. Машины сегодня, разумеется, объективны, машина ещё мало находится внутри. Но так будет оставаться не всегда. Ход развития мира идёт к тому, что возникает связь между тем, чем является человек, и тем, что человек производит, тем, что он порождает. Эта связь будет становиться всё интимнее и интимнее. Вначале она проявится в тех областях, которые основывают более близкое отношение между человеком и человеком, проявится, например, в обработке химических веществ, которые перерабатываются в лекарства. Сегодня, если что-то состоит из серы и кислорода и какого-либо другого вещества, водорода, или ещё чего-то другого, ещё думают, что в таком случае возникшее здесь как продукт содержит лишь те воздействия, которые исходят из отдельных веществ. Сегодня в этом ещё в высшей степени правы, но ход развития мира идёт по-другому. Тонкие пульсации, заключённые в жизни человеческой воли и в жизни настроения, образа мыслей,

будут всё больше вплетаться, вчлняться (hineingliedern sich) в то, что вырабатывает человек, и будет не безразлично, принимают ли приготовленное вещество от одного или другого человека.

Даже самое внешнее, самое холодное техническое развитие имеет тенденцию к совершенно определённой цели. Кто сегодня предчувствуя может создавать себе представления о будущем технического развития, тот знает, что в будущем все фабрики будут действовать индивидуально, в зависимости от того, кто руководит фабрикой. В фабрику тоже будут входить настроение, образ мыслей, и они будут переноситься на способ, каким работают машины. Человек будет срастаться с объективностью. Всё, с чем мы будем соприкасаться, постепенно будет нести в себе отпечаток человеческого существа. И хоть сегодня рассудительным людям это ещё кажется таким глупым — но уже святой Павел сказал: то, что люди считают умным, порой является глупостью перед Богом, — наступит времена, когда будут существовать механизмы, которые пребывают в покое, пока не подойдёт человек, который будет знать, что одно движение рукой он должен осуществить так, сверх этого, определённым образом второе и третье — иначе, и благодаря тому, что здесь возникает в качестве воздушных колебаний и что является следствием определённого знака, мотор, который будет настроен на этот знак, будет приведён в движение.

И национально-экономическое развитие получит такой вид, что внешние патенты и тому подобное будут полностью исключены, ибо то, что заключено в таких вещах, будет заменяться тем, что я только что изложил. Но зато исключено будет также всё то, что не имеет отношения к человеческой природе. Благодаря этому сможет действовать нечто совершенно определённое. Ибо если вы представите себе в будущем истинно доброго человека, человека, который действительно находится на особой высоте человеческого настроения, образа мыслей, то каким он может быть? Он будет конструировать машины и сможет устанавливать на них знаки, которые сможет осуществлять лишь человек, настроенный так же, как и он, то есть настроенный тоже на добро. А всякий злой

настрой вместе со знаком будет возбуждать совсем другое колебание — и машина не пойдёт!

Я говорил, что сегодня люди уже кое-что предчувствуют из этого. Я не напрасно дал вам намёк на то, что некоторые люди видят, как танцует пламя под влиянием определённых звуков. Если продолжить исследование в этом направлении, то найдёшь путь к тому, что я как раз обозначил, и можно было бы даже сказать, вернуться в определённые древние времена, когда один алхимик, стремившийся лишь обогатиться, ничего не смог сделать с тем же самым процессом, с которым кое-чего достиг другой, который не стремился к обогащению, но хотел совершить таинство в честь богов и для исцеления человечества.

Пока люди вкладывали в работу то, что следовало из профессиональной деятельности и определённым образом несло ауру эмоций людей, радость, это было недоступно для такого рода влияния, которое я только что охарактеризовал. В той мере, в какой уже не могло бы с особым энтузиазмом осуществляться то, что создаётся человеческой профессиональной работой, в той же мере то, что так истекает и излучается из людей, смогло бы создавать двигательную силу, потому что это является необходимым условием. Происходит так, что человек до определённой степени механизированного мира, который исходит из его работы или служит его работе, возвращает ему его чистоту благодаря тому, что он уже не может связывать его со своими эмоциями. В будущем будет уже невозможно, чтобы вещам до некоторой степени давали своё собственное человеческое тепло, исходя из пылкого жара радостной профессиональной работы. Но зато их будут вставлять в мир более целомудренно, а благодаря этому сделают и более восприимчивыми к тому, что охарактеризованным образом благодаря людям может предназначаться для вещи как двигательная сила, исходящая из самого человека. Но то, что может дать такое направление человеческому развитию, может прийти только из конкретных познаний духовных сил, которые могут быть исследованы через духовную науку. Это может прийти только отсюда. И нечто, подобное описанному сейчас, может произойти, если только некое большое количество людей в мире всё

больше и больше будут находить другой полюс, полюс для соединения человека с человеком в том, что превосходит всякую профессиональную работу и может одновременно осветить всякую профессиональную работу и пронизать её. То, что основывает человеческую совместную жизнь, которая может свести все профессии, — это жизнь в духовнонаучном движении. Чисто внешний прогресс в профессиональном развитии привёл бы к ликвидации всех связей человечества. Он довёл бы то того, что люди всё меньше и меньше понимали бы себя, всё меньше и меньше могли бы развивать отношения соответственно предпосылкам человеческой природы. Люди всё больше и больше проходили бы мимо друг друга, не могли бы искать ничего другого, кроме своей выгоды, ни в каком другом отношении не могли бы подходить друг к другу, кроме отношения конкуренции. Это не должно произойти, так как иначе человеческий род впал бы в постоянный декаданс. Чтобы этого не случилось, должна распространяться духовная наука.

И есть возможность правильно охарактеризовать то, к чему сегодня многие бессознательно стремятся, пусть они это и оспаривают. Вы знаете, что сегодня есть много людей, которые говорят: Ах, говорить о духовном — старый вздор! Мы развиваем чисто физическую науку — во всех областях. Это именно тот прогресс человечества, который реально поведёт человечество вперёд. И только когда люди вырастут из того, чтобы говорить о старом вздоре духовных вещей, тогда до определённой степени наступит рай на земле. — Но наступил бы не рай, а ад в том случае, если бы человеческий род не овладел бы больше ничем, кроме конкуренции, страсти к приобретению в том смысле, что страсть к приобретению должна быть уравнивающим принципом. Ибо, в конце концов, должен всё-таки существовать другой полюс, если это вообще должно продолжаться. Если бы не стремились к духовному полюсу, то должны были бы иметь ариманический полюс. Когда подразделяются по профессиям, то в качестве единства всегда ещё можно было бы иметь то, о чём говорят: Конечно, один является тем, другой этим, но всех объединяет то, что они стремятся как можно больше приобрести благодаря своей профессии, и это то, что все делают оди-

наково. — Конечно, но это чисто ариманический принцип. Думать, что мир может справиться с односторонним развитием, которое продвигается вперёд только во внешнем так, как мы это сейчас охарактеризовали, значит думать в этой области так же, как если бы некто — допустим, был бы такой чудак, или из учтивости скажем чудачка (Käuzin), — кто стоял бы на точке зрения: Мужчины становятся всё хуже и хуже и сегодня для мира невозможны, их следует уничтожить, только тогда мировое развитие на физическом плане получилось бы соответствующим! — Та, которая бы этому верила, была бы чудачкой, не правда ли, и всё же вовсе ничего не получилось бы из того, что уничтожили бы всех мужчин. Поскольку так происходит в чувственном мире, люди это понимают. В духовном мире такое чудачество (Kauzigkeit) они не понимают. И всё-таки для духовных отношений это то же самое, как если кто-то думает, что только внешняя эволюция могла бы продвигаться вперёд. И как прежние периоды развития требовали абстрактных религий, так новое развитие требует конкретного духовного познания, как его добиваются в духовнонаучном движении. Элементарные духи, порождаемые через отделившиеся профессиональные виды деятельности, должны быть оплодотворены из человеческих душ благодаря тому, что человеческая душа воспринимает из импульсов, восходящих к духовным регионам. Нельзя сказать, что это единственная задача духовной науки, но это является задачей духовной науки в отношении прогрессирующей, преобразующейся профессиональной жизни. Поэтому в человеческое сердце должно прийти требуемое самой мировой эволюцией на Земле осознание того, что в той же мере, в какой профессии доводили людей до полного автоматизма, именно в специализирующихся и доходящих до автоматизма людях следует постепенно всё более интенсивно и интенсивно работать противоположному полюсу, который состоит в наполнении человеком своей души тем, что его сближает со всякой другой человеческой душой, независимо от того, как она специализировалась.

Однако это приводит к ещё гораздо большему, это приводит, как мы и услышим, к тому, что из нашего, я бы сказал, безучастно-

го к жизни и замкнутого от жизни времени, которое часто существует именно для сухого человека, интересующегося только своей профессией, снова реально проистекает совсем другое время, время, когда люди снова будут создавать из совсем других импульсов, из импульсов, которые поистине не будут хуже, чем старые добрые профессиональные импульсы, которые, однако, не могут быть обновлены, но должны быть замещены другими. И в этом отношении сегодня мы можем уже не только абстрактно указывать на человеческий идеал, который хочет развивать духовная наука, но указывать вполне конкретно на идеал, который покажет, чем же станет для человека профессия, если люди сумеют правильно принимать во внимание знаки времени. ...

(С. 194 и далее)

Воздух необходимо было доставить внутрь человека, чтобы человек мог стать земным человеком. Многие столетия, даже тысячелетия человек использовал в разрежении и сжатии воздуха только то, что само собой получалось в космической связи. Затем пришло новое время. Тогда человек начинает разрезать сам воздух, устранять то, что внёс Ягве, действовать противоположно тому, как может действовать Ягве, поместив человека на Землю. Итак, что же собственно происходит, когда человек пользуется разреженным пространством, то есть, удаляет воздух из пространства? Происходит противодействие в отношении Ягве. Вы можете теперь легко представить: между тем как Ягве через воздух устремляется в человека, человек, когда он создаёт разреженное пространство, изгоняет Ягве! Поскольку таким образом конструируется паровая машина, Ариман получает возможность как демон обосноваться внутри физического. Когда конструируют паровую машину, дают повод для воплощения демонов. Конечно, не стоит о них думать, если не хочешь — это негативное суеверие. Позитивное суеверие — видеть духов там, где их нет; но негативное суеверие — это отрицать духов там, где они существуют. Но в паровых машинах ари-

манические демоны реально выражены даже в физическом теле. То есть: в то время как космос со своими духами спустился через то, что было излито в человеческой эволюции, дух космоса изгоняется тем, что создаётся здесь для демонов (an Dämonen). Это означает: новый великий, удивительный прогресс принёс не только демонологию, но и демономагию, и современная техника часто является демономагией.

Некоторые вещи — я говорю сейчас снова нечто парадоксальное — проявляются, когда можно правильно прочитать то, что люди преимущественно считают чем-то крайне незначительным. В конце концов, посмотрите (на доске рисуется «i»), по существу это («i» без точки) ведь тоже является веществом, но однако только точка превращает его в «i» («и»). И сравните, насколько меньше она содержит — её называют точкой над «и», — чем остальная часть, и всё-таки только эта точка превращает её в «и». Тот, кто в эволюции человечества застревает только в материальности, и в материальности видит порой лишь то, что, конечно, содержит во сто крат больше, чем точка, и совсем не видит точку. Но интимный наблюдатель, который на явления не только таращит глаза, но умеет их читать, он как раз будет учиться правильно объяснять многое, где что-то интимно намекается между строк. Удивительный факт: если вы однажды перечитаете биографию Джеймса Уатта (James Watt), то вы найдёте там такие факты, на которые я сейчас укажу, что это собьёт с толку каждого современного, разумного человека, но толкование вы, само собой разумеется, должны понять только сами. Уатт не мог сразу изложить то, что он задумал как своё изобретение, как свою паровую машину. Вы конечно видите: вопрос вынашивается с 1712 по 1769 год. Когда кто-то делает изобретение, то многие за ним всё снова и снова повторяют его, не правда ли. Тогда между этими годами было сконструировано многое. И когда Уатт благодаря другим свойствам сделал свою машину полезной, тогда он получил некое устройство, на которое имел патент уже другой, и он должен был искать что-то иное. И тогда он удивительным образом всё же нашёл то, что был вынужден теперь искать. Ведь он жил в эпоху, когда уже долгое время обладали ми-

ровоззрением Коперника, которое я вам охарактеризовал как нечто, соответствующее конечно только нашему духу времени; он жил в период, когда уже долгое время обладали мировоззрением Коперника. И действительно, оказалось, что вся взаимосвязь двигательного аппарата сконструирована так, что эту связь он смог назвать солнечным и планетарным движением. Он назвал это солнечным и планетарным движением потому, что действительно его направляло то, как представляли себе в системе Коперника вращение планет вокруг Солнца. Он действительно извлёк сверху и примыслил к паровой машине то, что в новое время признавали как небесное движение!

Теперь подумайте о том, что я недавно вам изложил, что это произойдёт, но находится только в начале: тонкие вибрации будут суммироваться и достигнут больших воздействий. На Земле этого ещё не достигли, слава Богу! Но здесь лежит начало — скопировано солнечное и планетное движение. Подумайте о том, что если движение Солнца и планет имеет большое значение для нашей Земли, когда оно посылает к нам излучения, то не будет ли теперь иметь значения, когда мы подражаем этому движению здесь в малом и в свою очередь даём ему излучаться в мировое пространство? Происходящее здесь имеет большое значение для космоса. Здесь вы прямо видите, что у демона добавляются ещё и вибрации, благодаря которым он может свою деятельность развивать наружу в космическое пространство.

Ну конечно, никогда нельзя думать, что подобное сказанному мной сейчас должно означать, что следует ликвидировать паровые машины. Многие должны были бы ликвидировать, ибо паровая машина уж не самое демоническое. Повсюду, где применяется электричество и ещё многое другое, присутствует гораздо больше демономагии, так как там, кроме того, орудуя совсем другими силами, которые имеют ещё и другое значение для космоса. Само собой разумеется, тому, кто понимает духовную науку, ясно, что эти вещи не следует ликвидировать, что мы не должны быть реакционными или консервативными в том смысле, что мы восстаём против прогресса. О, демономагия означает прогресс, и Земля всё больше

и больше будет преуспевать в этом! Это ещё доведут до того, что разовьют наружу во вселенную огромные воздействия. Речь идёт не о ликвидации и даже не о критике, ибо эти вещи, конечно, оправданы. Но речь идёт о том, что, поскольку, с одной стороны, эти вещи должны выступить в прогрессе человечества, с другой стороны, необходимо создать противодействия, которые в свою очередь приведут к выравниванию. Противодействия должны быть созданы. Эти противодействия, приводящие к выравниванию, могут быть созданы, если только человечество опять поймёт принцип Христа, если человечество найдёт путь ко Христу. На некоторое время человечество было уведено от Христа. Даже те, кто называют себя официальными представителями Христа, вместо Христа ищут только Ангела. Но должен быть найден путь, который душа проделает ко Христу. Ибо как через демонов машин мы воздействуем на физические звёзды в космосе, так же мы должны духовно найти путь в миры, в которых человек находится между смертью и новым рождением, в которых находятся существа высших иерархий. И то, на что я сейчас указал, связано с тем, что я уже изложил: с одной стороны, люди всё больше и больше входят в карму профессии, как я это охарактеризовал, и, с другой стороны, этой карме профессии должно противодействовать понимание духовного мира, которое в свою очередь тоже может подготавливать нахождение некоего пути ко Христу.

Из GA-173 «Рассмотрение истории нового времени. Карма лживости — часть первая». Космическая и человеческая история, том IV. (1916 г.) (с. 215 и далее)

И теперь человечество стоит перед тем, что необходимо решать совершенно определённые вещи. Прежде всего нечто, на что я уже обращал внимание и что связано с удивительной современной техникой, которая является результатом естествознания, восхищающего и духовную науку. Эта удивительная современная техника в

относительно недалёкое время достигнет конца, когда она сама себя определённым образом будет уничтожать. Зато наступит нечто, что дойдёт до того — на этот вопрос я уже указывал, — что человечество достигнет возможности использовать те тонкие вибрации, тонкие колебания, которые существуют в его эфирном теле, для воздействия на механизмы. Получат машины, которые будут связаны с человеком, но человек перенесёт на машины свои собственные вибрации, и он будет в состоянии под влиянием лишь определённых побуждённых им вибраций приводить в движение определённые машины. Люди, которых сегодня рассматривают как практиков, в не слишком отдалённое время увидят себя противопоставленными некоему окончательному изменению того, что называют практикой, когда человек своей волей будет включён в объективное чувство мира. Это первое.

Как второе человек определённым образом будет видеть то, что называют силами возникновения и исчезновения — силы рождения и смерти. Только будет необходимо, чтобы люди сначала морально созрели для этого. Но к этому также будет относиться то, что увидят такие вещи, о которых сегодня говорят лишь вздор. Я обращал на это внимание и говорил: Люди спрашивают себя, как повысить рождаемость там, где рождаемость снижается. — Однако говорят они чистую бессмыслицу, потому что они ничего не знают о деле и потому что способом, каким это здесь рассматривается, несомненно не достигнешь того, о чём здесь говорят.

Третьим является то, что в не слишком отдалённом будущем обнаружится полный переворот всего мышления по поводу болезни и здоровья. Медицина будет пронизана тем, что можно будет понять в духе, потому что будут учиться познавать болезнь именно как результат духовных причин.

Я уже говорил, что сегодняшнему учёному духовной науки нельзя возражать так: В области существования болезни ты мог бы показать своё искусство! — Здесь его необходимо вначале сделать свободным! Пока всё оккупировано материалистической медициной, невозможно что-либо делать даже лишь в частности. Здесь действительно должно существовать христианское, то есть, жить

по Павлу (paulinisch) и знать, что грех приходит от закона, а не наоборот — закон от греха.

Из GA-178 «Индивидуальные духовные существа и их действия в душе человека». Духовные существа и их действия, том II. (1917 г.) (с. 58 и след.)

Он (человек) ведь только постепенно, правда сверх того ещё и довольно несуразным образом, знакомится через анатомию и физиологию с тем, что происходит в этом (физическом) теле. Если мы должны были бы ждать с питанием, пока не поймём процесс питания, то нечего даже и говорить, что люди вынуждены были бы умирать с голоду; ибо это вовсе немыслимо, чтобы было необходимо что-то знать о том, чем заняты органы, чтобы приготовить питание для организма. Итак, человек довольно сильно входит в этот мир своим организмом, в который он облачается, не погружаясь своей душой в этот организм. Но зато и существует возможность того, что в момент, на короткое время предшествующий нашему рождению, — не очень задолго до нашего рождения — нашим телом, подсознательной частью нашего тела, овладевает, кроме нашей души, другое духовное существо. Так уж это происходит: незадолго до нашего рождения нас пронизывает другое, сегодня по нашей терминологии мы бы сказали ариманическое, духовное существо. Это существует в нас так же, как и наша собственная душа. Эти существа, которые имеют свою жизнь именно благодаря тому, что они используют самого человека для того, чтобы можно было присутствовать в сфере, в которой они хотят присутствовать, эти существа имеют чрезвычайно высокий интеллект и довольно сильно развитую волю, но вовсе не душу (Gemüt), не то, что называют человеческой душой. — И мы сквозь нашу жизнь шествуем уже так, что имеем нашу душу и такого двойника, который гораздо умнее, намного умнее, чем мы, очень интеллектуален, но обладает мефистофельским интеллектом, ариманическим интеллектом, и, кроме того, ариманической волей, очень сильной волей, волей, ко-

торая гораздо ближе природным силам, чем наша человеческая воля, которая управляется душой.

В XIX столетии естествознание открыло, что нервная система пронизана электрическими силами. Оно право, это естествознание. Но если вы полагаете, если естествоиспытатели полагают, что сила нерва, относящаяся к нам и являющаяся основой нашей жизни представлений, как-то имеет дело с электрическими токами, которые проходят через наши нервы, то они как раз ошибаются. Ибо электрические токи — это те силы, которые в наше существо вкладывает то существо, только что охарактеризованное мной, и которые вовсе не принадлежат нашему существу: мы несём в себе конечно и электрические токи, но они чисто ариманической природы.

Эти существа высокого интеллекта, но чисто мефистофельского интеллекта, и воли, родственной природе больше, чем это можно сказать о человеческой воле, они однажды, исходя из своей собственной воли, приняли решение стремиться жить не в том мире, в котором им было предопределено жить мудрыми Богами высших иерархий. Они хотят овладеть Землёй, им нужны тела; собственных тел они не имеют: они используют от человеческих тел так много, как могут использовать, потому что человеческая душа сейчас не может заполнить полностью человеческое тело.

Итак, эти существа могут, так как человеческое тело развивается, в определённый момент, прежде чем человек рождается, определённым образом войти в это человеческое тело и под порогом нашего сознания сопровождать нас. В человеческом теле они абсолютно не могут терпеть только одно, а именно они не могут терпеть смерть. Поэтому они это человеческое тело, в котором они обосновались, и покидают всегда, прежде чем его постигает смерть. Это суровое разочарование происходит всё снова, ибо они стремятся овладеть именно этим — остаться в человеческих телах, минуя смерть. Это было бы высшим достижением в царстве этих существ; этого они в настоящий момент не могут достигнуть. ...

(С.218 и след.)

Я хочу ещё раз указать на то, что в этом пятом послееатлантическом периоде человечеству предстоит войти в особую разработку великих жизненных вопросов, которые определённым образом были затемнены мудростью предыдущего времени. Я уже указывал на это. Один великий жизненный вопрос может быть представлен, когда говоришь: Следует попытаться поставить эфирно-духовное на службу внешней практической жизни. — Я обращал ваше внимание на то, что пятая послееатлантическая эпоха должна решить проблему, как можно человеческие настроения, движение человеческих настроений перенести в волновом движении на машину, как нужно человека привести в связь с тем, что должно становиться всё более механическим. Поэтому я ровно неделю тому назад обратил здесь ваше внимание на то, каким внешним образом принимает эту механизацию некоторая часть нашей земной поверхности. Я показал вам на примере, как из американского образа мышления пытаются распространить машинное на саму человеческую жизнь. Я привёл этот пример о перерывах, которые хотят использовать, чтобы можно было некоторым числом рабочих загружать до пятидесяти тонн вместо гораздо меньшего количества тонн: стоит только реально ввести в жизнь принцип селекции по Дарвину.

В таких местах существует воля для того, чтобы напрягать (*zusammenzuspannen*) человеческую силу вместе с машинной силой. Эти вещи нельзя трактовать так, как будто с ними надо бороться. Это совершенно ложное воззрение. Эти вещи не заставят себя ждать, они придут. Дело только в том, выставят ли их на сцену в ходе мировой истории такие люди, которые самоотверженно посвящены великим целям земного становления и формируют эти вещи на благо людей, или же их выдвинут на сцену те группы людей, которые используют эти вещи только в эгоистическом смысле или в смысле группового эгоизма. Речь идёт об этом. В таком случае это зависит не от «что», «что» безусловно придёт; это зависит от «как», как браться за эти вещи. Ибо «что» просто находится в смысле земного развития. Сплавление человеческого существа с

машинным существом — это будет большой, значительной проблемой для оставшейся части (für den Rest) земного развития.

Я уже неоднократно полностью обдуманно (vollbedacht) обращал внимание, также и в открытых докладах, на то, что сознание человека связано с разлагающими, расщепляющими (abbauenden) силами. Дважды в открытых докладах в Базеле я говорил: В нашей нервной системе мы умираем. — Эти силы, эти силы умирания будут становиться всё сильнее и сильнее. И будет устанавливаться связь между силами умирания в человеке, которые родственны с электрическими, магнитными силами и внешними механическими силами. Человек до известной степени сможет направлять свои замыслы, свои мысли в силы механизма. В человеческой природе будут открыты ещё не открытые силы, такие силы, которые действуют на внешние электрические и магнитные силы.

Это одна проблема: в будущем сведение человека с механизмом будет всё больше и больше распространяться. Другая проблема заключена в том, что призовет на помощь духовные отношения. Но это может осуществиться только тогда, когда созреет время и когда достаточное количество людей для этого правильно подготовится. Но прийти это должно, чтобы мобилизовать духовные силы для господства в жизни в отношении болезни и смерти. ...

(С. 230 и след.)

В других братствах, которые прежде всего хотят пройти мимо Мистерии Голгофы, речь в свою очередь будет идти о том, чтобы использовать двойную человеческую природу; так как человек вступил в пятую послеатлантическую эпоху, эта двойная человеческая природа, с одной стороны, содержит человека, но в человеке — низшую животную природу. Человек ведь до известной степени действительно кентавр: он содержит низшую животную природу астрально (astraliter), человечность он определённым образом содержит лишь насаженной на эту животную природу. В человеке через это взаимодействие двойной природы существует также и

дуализм сил. Это тот дуализм сил, который определённые эгоистические братства, больше в направлении восточной индийской стороны, будут использовать, чтобы соблазнить и европейский Восток, задача которого подготовить шестую послеатлантическую культуру. И он использует силы, которые действуют от Стрельца.

Завоевать космическое ради человечества дважды неправильным образом либо просто правильным образом — это то, что предстоит человечеству. Будет дано реальное обновление астрологического, которое в древней форме было атавистическим и не может продолжать существовать в этой древней форме. Знающие космос будут бороться тем, что некоторые будут использовать утренние и вечерние процессы таким образом, как я уже на это намекал; на Западе — преимущественно полуденные процессы с отключением утренних и вечерних процессов, а на Востоке — полуночные процессы. Уже не будут изготавливать субстанции только в соответствии с химическими силами притяжения и отталкивания, но узнают, что возникает другая субстанция, в зависимости от того, изготавливают ли её с помощью утренних и вечерних процессов или с помощью процессов полуденных или полуночных. Будут знать, что такие вещества совсем иначе действуют на трёхчленность: бог, добродетель и бессмертие — золото, здоровье и продление жизни. Из взаимодействия того, что приходит от Рыб и от Девы, не смогут осуществить ничего несправедливого; здесь достигнут того, что хотя в определённом смысле и отделит от человека механизм жизни, но не сможет основать никакое господство и власть одной группы над другой. Космические силы, получаемые с этой стороны, будут порождать удивительные машины, но лишь такие, которые освободят человека от работы, потому что они сами в себе будут нести определённую силу интеллекта. И духовная наука, достигающая даже космического, должна будет заботиться о том, чтобы все большие искушения, которые будут исходить от этого механического зверя, порождённого самим человеком, не оказывали на людей никакого вредного влияния.

Ко всему этому надо сказать: необходимо, чтобы люди, вследствие того, что они уже не принимают реальности за иллюзии, что

они действительно входят в духовное восприятие мира, готовились к духовному осознанию мира. Видеть вещи такими, какими они являются — этим определяется многое! Но видеть их такими, каковы они суть, можно лишь, если ты в состоянии применить к действительности понятия и идеи, которые приходят из антропософски ориентированной духовной науки. Именно умершие в значительной мере будут сотрудничать ради оставшейся части земного бытия. Дело будет в том, как они сотрудничают. Прежде всего, выступит большая разница в том, что через поведение людей на Земле участие умерших обращается на одну, добрую сторону, в таком направлении, что эти умершие в таком случае смогут действовать там, где импульс к действию исходит от них самих, где его воспринимают из духовного мира, который умерший переживает после смерти.

Зато выступают многие стремления, которые умершие вводят в человеческое бытие художественным образом. И на кружном пути через созвездие Близнецов умерших будут вводить в человеческую жизнь, благодаря чему человеческие вибрации совершенно определённым образом будут продолжать звучать и вибрировать в механических действиях машин. Космос будет приводить машины в движение на том кружном пути, который я только что обозначил. При этом всё определяется именно тем, что не используют неподобающее, когда возникает эта проблема, но используют только то, чем являются элементарные силы, которые и без того относятся к природе; что отказываются от того, чтобы вводить в машинную жизнь неподобающие силы. Необходимо в оккультной области отказать от того, чтобы самого человека впрягать в работу в машинную двигательную установку таким образом, чтобы использовать селекционные теории Дарвина для определения рабочей силы человека так, как я это привёл вам в последний раз на одном примере.

Из GA-182 «Смерть как преобразование жизни». (1917/18 гг.)
(с. 156)

Как третье выявится то, что познакомятся со всеми определёнными силами, благодаря которым, я бы сказал, можно будет вызвать в мире огромные механические силы только посредством совсем лёгких побуждений, посредством гармонизации некоторых колебаний. Именно этим способом научатся инстинктивно обнаруживать определённое духовное управление машинным, механическим существом, и вся техника придёт в беспорядочное русло (Fahrwasser). А это беспорядочное русло будет чрезвычайно хорошо служить эгоизму человека и будет ему по вкусу.

Это является одной частью конкретного понимания развития бытия, одной частью восприятия жизни, которую, по сути дела, правильно оценить может лишь тот, кто обзревает, что недуховное восприятие жизни совсем не может привести к ясности в этом вопросе. Если однажды придёт вредящая человечеству медицина, недуховное восприятие жизни стало бы страшным извращением сексуальных инстинктов, страшным механизмом в чистом мировом механизме при использовании природных сил через духовные силы, ведь недуховное мировоззрение всего этого не понимало бы, не видело бы, как оно отклоняется от истинной тропы, так же, как спящий, пока он спит, не может видеть, когда к нему приближается разбойник, который хочет его обокрасть, но это проходит мимо него. По крайней мере, позже, пробудившись, он увидит, что произошло. Но для человека это было бы очень скверным пробуждением: он наслаждался бы инстинктивным возрастанием в знании целебных сил некоторых процессов и некоторых субстанций, ощутил бы такое благое чувство в прослеживании определённых извращений сексуальных инстинктов, он восхвалял бы это извращение как особенно высокую форму сверхчеловечности, свободу от предрассудков, естественность.

Из GA-184 «Космическая предыстория человечества» (1918 г.)
(с. 295 [Издательство «Новалис» Москва 2004, с. 311])

<...> Если вы придете туда, где находится радуга, то вы совершенно свободно пройдете сквозь нее, она представляет собой только результат взаимодействия различных процессов. Такими же спектральными, как радуга, такими же призрачными, как радуга — только этого не замечают — являются все природные процессы; они находятся не там, где они являются глазу, уху или другому органу чувств, но они являются результатом взаимодействия других процессов, духовных процессов. Мы ходим по земле и думаем, что там внизу находится материя; в действительности же мы воспринимаем только силы, как в случае с радугой, и когда мы думаем, что ступаем по твердому, то это есть Ариман, который снизу посылает свои силы.

Но как только мы покидаем чисто спектральное, чисто призрачное природных явлений, мы встречаем духовное. Это означает, что все исследования так называемой грубой материи являются бессмысленными. Как только прекратятся поиски грубо-чувственного, как лежащего в основе природы — и к этому человечество придет в IV тысячелетии, — тогда в основу будет положено нечто иное, тогда повсюду в природе будут искать ритмы, ритмическую организацию. Эта ритмическая организация существует, но только сегодняшняя материалистическая наука, как правило, высмеивает эту ритмическую организацию. Мы образно представили эту ритмическую организацию в виде семи колонн и в конфигурации нашего Здания в целом. Но эта ритмическая организация наличествует во всей природе. В растении один лист следует за другим в ритмическом порядке; ритмически расположены лепестки цветка, все организовано ритмически. Ритмически нарастает и отступает лихорадка в ходе болезни; вся жизнь протекает ритмично. Распознавание природных ритмов — это будет истинным естествознанием.

Но благодаря распознаванию природных ритмов можно придти к некоторому использованию их в технике. Это и является целью будущей техники: посредством согласования колебаний, которые

возбуждаются в малом и потом переносятся на большое, посредством простого взаимодействия вибраций выполнять колоссальную работу.

Из ГА-186 «Основные социальные требования нашего времени» (1918 г.) (с. 70 и далее [Издательство «Новалис» Москва 2003, с. 67 и далее])

<...> способности к так называемому *материальному оккультизму*. Через эти способности — и это является идеалом британских тайных обществ — определённые социальные формы, лежащие сегодня в основе индустриализации, должны быть поставлены на совершенно другую основу. Это известно каждому знающему члену этих тайных кругов, что благодаря лишь неким способностям, которые развиваются, но сегодня ещё скрыты в человеке, машины и всякого рода механические устройства в большом количестве могут приводиться в движение посредством закона *созвучных колебаний*. Небольшое указание на это вы можете найти в том, что в моих Драмах-Мистериях связано со Штрадером.

Эти вещи находятся сегодня в становлении. Тайные круги в области материального оккультизма сохраняют эти вещи в тайне. Возможно создание двигателей, которые благодаря тому, что будет известна соответствующая кривая колебаний, с помощью совсем незначительного влияния со стороны человека смогут быть приведены в движение на предприятиях. Благодаря этому большое количество потребляемой сегодня человеческой силы может быть заменено чисто механической силой. Сегодня на Земле живёт тысяча четыреста миллионов человек, но работы производится больше, чем её могут произвести эти тысяча четыреста миллионов — я об этом однажды уже говорил; чисто механическим путём производится столько работы, сколько её могло бы произвести, живя на Земле, две тысячи миллионов человек. Эту остальную работу производят машины, и не будь их, на Земле для исполнения этой работы должно бы было жить людей на шестьсот миллионов больше.

Но если то, что я вам называю механическим оккультизмом, вступит в сферу практической деятельности — что составляет идеал тех тайных центров, — то с помощью тех машин будет исполняться работа не пяти-шести сотен миллионов человек, а более тысячи миллионов человек. Благодаря этому в среде народов, говорящих по-английски, сложатся условия, при которых девять десятых человеческой работы окажется не нужной. Но механический оккультизм не только позволит обходиться без девяти десятых рабочих рук, исполняющих работу сегодня, он так же позволит парализовать всякий протест неудовлетворённых человеческих масс.

Способность приводить в движение машины на основании закона созвучных колебаний — эта способность в широких масштабах развивается у народов, говорящих по-британски. Это знают в тех тайных кругах. Это знание расценивается ими как дающее власть над остальными народами Земли в ходе пятой послеатлантической эпохи.

Из GA-197 «Противоположность в развитии человечества. Запад и Восток — материализм и мистика — знание и вера». (1920 г.) (с. 164 и след.)

Мы должны уяснить себе, что на Западе существует некая начальная культура (Anfangskultur). Мы видим, что на этом Западе эта начальная культура сильнее всего возмещает себя там, где, я бы сказал, из технического произрастает экономическое. В этом отношении нет ничего характернее, чем тот идеал, который когда-то стоял перед неким американцем и что несомненно однажды осуществится на Западе, чисто американский идеал, но идеал высокой идеальности, который состоит в том, что используют собственные вибрации человеческого организма, тонко их изучая и перенося на машину, так что человек находится в машине и его малейшие вибрации усиливаются в машине, так что то, что человек мобилизует в нервных вибрациях, переходит в машину. Вспомните мотор Кили, который ведь сразу ещё не настолько удался, чтобы он действовал,

потому что он был разработан ещё слишком сильно исходя из одного только инстинкта; но это то, что непременно идёт навстречу превращению в жизнь. Это до известной степени то, что, исходя ещё из довольно грубого механистического материала, указывает на то, что должно возникнуть: слияние механически-материального с духовным.

Зато мы видим, как на Востоке древнее духовное всё больше и больше приходит к упадку, к разрушению, к состоянию гниения. На Востоке мы непременно переживаем нечто такое, что можем сказать: Стал дряхлым для созерцания некогда небесно-духовный человек; он стал дряхлым, старческим. Он пока не понимает того, что происходит на Земле, что же окружает человека. В то время как на Западе понимают только это земное, на Востоке ничего в этом не смыслят. Поэтому небесное стало уже совсем дряхлым, совсем старческим. Поэтому всегда является большой ошибкой, когда не обращают внимание на одну сторону, на то, что вначале духовное должны приобретать из механицизма, механистического материализма Запада, что дух должен быть извлечён путём интуиции (*herausintuitieren*) из естествознания, которое тоже является ещё совсем западно-материалистическим. И точно такая же грубая ошибка, когда засматриваются на Восток и примерно ещё сегодня хотят нести духовное с Востока на Запад, как это делало когда-то или даже ещё сегодня делает адьярское теософское общество (*Adyar-Gesellschaft*) с его устарелостью. Когда смотрят на ту сторону, на Восток, тогда во всём том, что там находят, не имеют дела ни с чем живым современным, но с тем, что стало старым, что необходимо изучать как исторически устаревшее, что уже не имеет значения для современности.

Как мы, я бы сказал, имеем на Западе Кили с его мотором как ещё совсем черновой вариант грубо-механистического предшественника будущей культуры, точно так же Толстой выступает как самый крайний отголосок духовной дряхлости Востока. В Толстом мы видим, как до определённой степени концентрированно выступает то, что когда-то было великим и что теперь находится в полном упадке, что является интересным феноменом, но для нас не

имеет ни малейшего современного значения. Так как с 1914 года многое стёрлось событиями, то стёрлось и то, что было последней вспышкой восточной древности в Толстом. До войны ещё могли говорить о Толстом как о чём-то современном. С войной это миновало. Это не имеет современного значения. Это нечто совершенно отжившее — говорить сегодня о Толстом как о чём-то, имеющем современное значение. И необходимо отвергать всякий способ заглядываться на ту сторону — на Восток, на древний Восток и даже на то, что в последний раз сконцентрировалось ещё в определённом роде образования древности в одном человеке — в Толстом. Мы должны всецело стоять на почве той миссии, которая является миссией современности. И мы это сможем, только если постигнем, исходя из собственного фундамента, импульс трёхчленности социального организма. Загнивающий Восток, чтобы до известной степени представить всемирно-исторический символ, или даже в качестве симптома, можно сказать, внутренне целеустремлённо, но всё же бессильно, ещё представил напоследок Толстого как свой последний отголосок, так же, как Запад представил первого предвестника Кили с его мотором. В то время как Толстой выражает окончательное люциферическое становление древней восточной культуры, западная культура ещё всецело стоит под знаком ариманического.

Это то, что необходимо осмыслить в современности. И не поняв, как с одной стороны нам следует остерегаться того, что выступает сюда от Востока из прошлого, даже в живом человеке выступает сюда ещё как прошлое, а с другой стороны надо остерегаться того, что на Западе находится только в начале, — не видя этого, не являешься человеком современности. Само собой разумеется, человек современности может быть англичанином, французом, американцем, он может быть русским, ибо человечество сегодня должно преодолеть географические области. Однако мы должны воспринять эти древние ограничения, потому что они имеют значение для исторического становления человечества. Позади нас находится то, где история человечества делится на три: Восток, Середина, Запад. Перед нами находится — и антропософски ориентированная духовная наука должна это подчеркнуть как можно острее — чи-

стое бытие человека, неся в нас в то же самое время Восток, Середи́ну и Запад. Человек, который сегодня рождается как живой человек, даже азиат, может нести в себе все три. Человек Середины не может ограничивать себя, нести в себе только Середи́ну, но он должен переживать в себе исторический Восток как нечто находящееся в упадке, исторический Запад как нечто находящееся на подъёме. Точно так же американский человек несёт в себе Восток, Середи́ну и Запад, если он через рассмотрение мудрости мистерий хочет — и в большинстве случаев он принуждён к этому — своё только экономическое мышление возвысить к мышлению, являющемуся политическим, духовным.

Это то, что необходимо сегодня сказать, если хочешь обозначить задачи, которые человек должен познавать как свои наивнутреннейшие задачи, исходя из большой необходимости времени.

Из GA-230 «Человек как единое звучание творящих Мировых Слов» (1923 г.) (с. 37 [Издательство «Лонгин» Ереван 2007, с. 37])

Технологии, в соответствии с которыми конструируются машины, так же многочисленны, как и сами машины. Но все же существует очевидная общая тенденция: примитивные, еще несовершенные машины постепенно преобразуются в машины, основанные на колебаниях. Конструкция машин такова, что в ней всегда есть нечто, совершающее колебательное движение, вибрирующее, и искомый эффект достигается периодичностью вибраций. Практически все сводится к поискам такого рода устройств. Но когда эти машины можно будет конструировать с помощью данных о перераспределении веществ в организме Коровы, тогда колебания, которые пронизывают весь земной шар, — эти вибрации, исходящие из механизмов, эти малые вибрации, производимые на земле, — начнут резонировать с тем, что находится над землей. Наша планетарная система будет вынуждена вибрировать в согласии с Землей, как вибрирует струна определенной длины, когда в замкнутом пространстве касаются другой струны.

Для заметок

Для заметок

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ ТРУДОВ.
Тетрадь № 107. Рудольф Штайнер и аппарат Штрадера. –
М.: Титурель. – 128 с.
ISBN 978-5-902490-14-2

Автор перевода: Памфилова Л. Б.

Редактор перевода: Памфилов В. Н.

Оформление, вёрстка: Елин Г. Я.

Издательство «Титурель»,

г. Москва

Сайт издательства: titurel.ru (на стадии разработки)

Для писем: titurel@land.ru

По вопросам заказов и покупки книг издательства обращаться
к Махрачёвой Нине Иосифовне по телефонам
8 (916) 967-48-40 и (495) 695-09-64

ISBN 978-5-902490-14-2

Формат 60x90/16. Объём 8 печ. л.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано по технологии StP

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6